

МОСКОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
С. С. С. Р.
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

МОСКОВСКІЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к.
на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 к.,
Съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на полгода
3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.
ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 49.
3 ДЕКАБРЯ
1889-ГО ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Арбатъ, Серебрянный переулочъ
домъ Николаевской церкви, квартира протоіерія
Виктора Петровича Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: за строку, или мѣсто строки
за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Москва. 3 декабря. Внутреннія извѣстія. Миссіонерскій отдѣлъ. Изъ быта крещенныхъ чувашъ. Иностранное обозрѣніе. Библиографія.
Извѣстія и замѣтки. Бѣды съ старообрядцами въ домѣ Халатова и въ семинарской церкви. Нѣсколько словъ по поводу напрасливъ, вводимыхъ
на Московскую духовную академію. Юбилей наставниковъ Московской духовной семинаріи. Поднесеніе наперснаго креста настоятелю храма.

МОСКВА, 3 декабря.

Наиболѣе дѣйствительное и цѣлесообразное успокоеніе и призрѣніе немощной старости, нужды и сиротства составляютъ въ послѣднее время одну изъ самыхъ существенныхъ заботъ, на которыя обращено общественное вниманіе. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и духовенство.

Что касается собственно духовенства Московской епархіи, то сравнительно съ другими епархіями, оно находится въ очень благоприятныхъ условіяхъ относительно помощи и призрѣнія своихъ нуждающихся членовъ. Въ распоряженіи Московскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, въ которомъ сосредоточено завѣдываніе всѣми средствами призрѣнія, находятся весьма значительные денежные капиталы, а равно и разныя и довольно обширныя учрежденія, въ которыхъ воспитываются и призрѣваются сиротствующіе и престарѣлые обоюбого пола члены духовнаго сословія. Время отъ времени, благодаря сочувствію къ духовенству и истинно христіанской любви добрыхъ людей къ своимъ ближнимъ, являются и новыя значительныя жертвы на это дѣло. Такъ недавно, согласно духовному завѣщанію усопшей благочестивой старицы графини А. Г. Толстой, попечительство вступило во владѣніе большой усадьбой покойной и значительными денежными капиталами, предназначенными для призрѣнія престарѣлыхъ священниковъ Московской епархіи. Нельзя, конечно, сказать, чтобы наличныя средства, находящіяся въ распоряженіи епархіальнаго начальства, были вполнѣ достаточны для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся,—въ нашемъ бѣдномъ и необезпеченномъ сословіи всегда слишкомъ много бѣдности и нужды,—но всетаки крайняя нужда и беспомощное сиротство такъ, или иначе находятъ помощь и призрѣніе, и даже получаютъ даровое и приличное образованіе и воспитаніе, особенно

благодаря бесплатнымъ общежитіямъ при семинаріяхъ, устроеннымъ настоящимъ благостнымъ и столь отзывчивымъ къ нуждамъ духовенства Архипастыремъ Московскимъ. Но есть классъ людей въ нашемъ сословіи, который находится, такъ сказать,—въ кругѣ епархіальной попечительности и призрѣнія, и епархіею обыкновенно не считается за своихъ,—именно лица служащія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи и ихъ семейства.

Попеченіе объ этихъ лицахъ обыкновенно предоставляется высшему центральному управленію духовнаго вѣдомства.—Но такъ какъ назначеніе пособій и пенсій изъ этого источника строго обусловлено формальными требованіями закона, и въ виду ограниченности средствъ, находящихся въ распоряженіи центрального управленія духовно-учебнымъ вѣдомствомъ, дѣлается вообще весьма экономно и разборчиво,—то лицамъ духовно-учебнаго вѣдомства и ихъ семействамъ, въ случаѣ сиротства, болѣзни и т. п. приходилось нерѣдко впадать въ крайне бѣдственное положеніе, не получая ни откуда помощи.

Служащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ отношеніи обезпеченія на случай старости и болѣзни поставлены вообще въ незавидное положеніе,—во всякомъ случаѣ гораздо худшее, чѣмъ въ учебной службѣ другихъ вѣдомствъ. Полная учительская пенсія у насъ за 25-лѣтнюю выслугу полагается въ 550 р.,—никакихъ прибавокъ къ ней и увеличеній уже больше не полагается, о большемъ учителю семинаріи, или училища нельзя и мечтать! Но нужно согласиться, что прожить на такую пенсію въ нынѣшнее дорогое время въ любомъ губернскомъ городѣ, а тѣмъ больше въ Москвѣ,—очень трудно и можно только съ нуждою и лишеніями даже и одинокому человѣку,—а что сказать о людяхъ семейныхъ?—Но вѣдь мы беремъ здѣсь высшую норму, до которой дослуживаются далеко не всѣ. При трудности учительской службы теперь, при множествѣ самыхъ трудныхъ и изнурительныхъ занятій, очень многіе не въ состояніи бывають дотянуть свою службу до конца и часто умирають, или по болѣзни принуждены бѣ-

ютъ выйти въ отставку недослуживши до полной пенсіи,—и въ такихъ случаяхъ они сами и ихъ семейства оказываются въ самомъ трудномъ положеніи, получая только часть пенсіи (и половина ея, назначаемая за 20 лѣтъ службы равняется только 275 р. въ годъ), или довольствуясь небольшимъ единовременнымъ пособіемъ, обеспечивающимъ ихъ положеніе только развѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Во время службы, при ограниченности содержанія, эти люди также не могутъ сдѣлать сбереженій на случай нужды въ болѣзни, или старости. Поэтому мы и видимъ множество примѣровъ крайне бѣдственнаго положенія учителей духовныхъ заведеній, особенно семейныхъ, послѣ выхода ихъ въ отставку до выслуги полной пенсіи,—да не красна вообще жизнь и получающихъ оную. А между тѣмъ служба этихъ людей, кажется, давала бы нѣкоторое право на лучшую будущность и обезпеченіе въ случаѣ старости, или болѣзни. Учитель честно потрудившійся въ своемъ дѣлѣ, воспитавшій нѣсколько поколѣній учениковъ, положившій свои лучшія силы, свои лучшія качества ума и сердца на приготовленіе добрыхъ пастырей Христовой церкви, или полезныхъ слугъ отечеству на разныхъ другихъ поприщахъ общественной дѣятельности,—что можетъ быть полезнѣе и почетнѣе этой дѣятельности? И этотъ почтенный труженикъ, безъ сомнѣнія заслуживаетъ того, чтобы онъ въ трудное время, застигнутый напр. болѣзнію, или старостію, не былъ брошенъ безъ призора,—чтобы ему дана была возможность дожить свои послѣдніе годы жизни безъ тяжелой нужды и лишеній. И намъ думается, что было-бы дѣломъ простой справедливости и исполнѣннаго законнаго челоуѣколюбія, если бы епархіальное вѣдомство лицъ, служащихъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ епархіи, включило въ кругъ своего призрѣнія и на нихъ распространило бы свою заботу и попеченіе. Нѣтъ надобности доказывать, что этимъ нисколько не были бы нарушены требованія справедливости. Пусть эти лица по мѣсту своего рожденія принадлежатъ къ иной епархіи,—но они отдали свои силы, свою дѣятельность мѣсту своего служенія и такимъ образомъ приобрѣли безспорное нравственное право на помощь изъ этого именно мѣста. И если бы епархіальное вѣдомство нашло возможнымъ принять нѣкоторое участіе въ призрѣніи и помощи, въ случаяхъ нужды, служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, то оно могло бы оказать существенную услугу въ этомъ дѣлѣ и весьма значительно облегчить ихъ положеніе. Мы не желаемъ предрѣшать здѣсь тѣ частныя формы, въ которыхъ это участіе можетъ выразиться въ дѣйствительности; формы эти могутъ быть весьма разнообразны по требованію разныхъ обстоятельствъ. Напр. весьма существеннымъ пособіемъ для отставныхъ учителей было бы предоставленіе только дароваго помѣщенія, въ какомъ-либо изъ благотворительныхъ епархіальныхъ учрежденій; при этомъ условіи, съ небольшою пенсіею учителю можно было бы прожить спокойно и безбѣдно,—или устройство особаго пріюта съ этою цѣлью. Не найдется ли для этой цѣли свободнаго уголка напр. въ обширномъ домѣ, недавно пожертвованномъ духовному вѣдомству покойной графиней Толстою, за исполненіемъ указаннаго въ завѣщаніи назначенія? Кстати бы подумать объ этомъ теперь,

когда вырабатываются правила отъ организациі этого новаго благотворительнаго епархіальнаго учрежденія...

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Георгіевскій праздникъ въ Петербургѣ.—Раздѣленіе епархіи на двѣ.—
Бесплатный отпускъ лѣса духовенству.—Мѣропріятія касательно раскола.—
Введеніе новаго положенія о военномъ духовенствѣ.—Ограниченіе сѣздовъ католическаго духовенства.—Комитетъ для описанія Рижской епархіи.—
Курсы церковнаго пѣнія.—Итоги сбора на храмъ и благотворительное учреждение на мѣстѣ катастрофы 17 октября. Открытіе пріюта для поклонниковъ въ Иерусалимѣ.—Учрежденіе контроля надъ благотворительными обществами.—Пожертвованіе Императорской Фамиліи на памятникъ Императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ.—Представленіе Государю губернаторовъ губерній, въ которыхъ вводятся земскіе начальники.—Разрѣшеніе пріема учителей въ земледѣльческіе училища.—Организациа арестантскаго труда —
Поземельное устройство крестьянъ и инородцевъ въ Сибири.

— 26 ноября въ Зимнемъ дворцѣ съ обычною торжественностью праздновался праздникъ русскаго военнаго ордена св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Въ обширныхъ залахъ дворца былъ произведенъ парадъ сборнымъ воинскимъ частямъ изъ георгіевскихъ кавалеровъ. За тѣмъ былъ торжественный высочайшій выходъ въ соборную церковь Зимняго дворца, при входѣ въ которую Ихъ Величества были встрѣчены членами Св. Синода и духовенствомъ, съ первенствующимъ митрополитомъ Петербургскимъ Исидоромъ. Въ соборѣ достигшій совершеннѣтїа великій князь Сергій Михайловичъ принесъ установленную присягу на вѣрность Государю и Отечеству и въ соблюденіи права наслѣдства и установленнаго для Императорской Фамиліи распорядка. Изъ собора вся процессія возвратилась въ Георгіевскій залъ, гдѣ совершено было молебствіе св. великомученику Георгію, по окончаніи котораго великій князь Сергій Михайловичъ, подъ штандартномъ лейбъ-гвардіи Коинно-гранадерскаго полка, принесъ воинскую присягу на вѣрность службы Государю и Отечеству. По окончаніи церемоніи для нижнихъ чиновъ—георгіевскихъ кавалеровъ въ корридорахъ дворца предложенъ былъ обѣдъ, который посѣтилъ Государь Императоръ. Его Величество, подойдя къ среднему столу и взявъ въ руки чарку водки, пилъ за здоровье кавалеровъ военнаго ордена. За тѣмъ великій князь Владиміръ Александровичъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. Дружное, долго несмолкаемое «ура!» было отвѣтомъ на милостивыя слова Монарха. Послѣ обѣда нижнимъ чинамъ предоставлено было взять съ собою на память весь столовый приборъ. Въ 5½ ч. дня въ Николаевскомъ залѣ былъ въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи обѣденный столъ для Георгіевскихъ кавалеровъ. Государь былъ въ формѣ Нижегородскаго драгунскаго полка. Первый тостъ провозгласилъ Государемъ Императоромъ за здоровье георгіевскихъ кавалеровъ, а второй—великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ за здоровье Государя Императора.

— «Новое Время» сообщаетъ, что въ св. Синодѣ разсматривается предположеніе о раздѣленіи томской епархіи на двѣ части, съ введеніемъ новыхъ штатовъ и ассигнованіемъ суммъ на содержаніе обѣихъ епархіи. Томская епархія будетъ называться «томско-барнаульской», а новая—«омско-семипалатинской», съ резиденціей преосвященнаго въ Омскѣ.

— «Новости» пишутъ, что по иниціативѣ святѣйшаго Синода, министерствомъ государственныхъ имуществъ, въ видахъ содѣйствія улучшенію матеріальнаго положенія православнаго духовенства, выработаны правила объ отпускѣ духовенству лѣса

изъ казенныхъ дачъ. Предполагается предоставить духовенству право бесплатно пользоваться лѣсомъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по хозяйственнымъ соображеніямъ управленія, это окажется возможнымъ безъ истощенія казенныхъ дачъ и безъ нарушенія лѣснаго устава.

— Въ той же газетѣ напечатано извѣстіе о нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ, касающихся раскола: 1) въ Св. Синодѣ внесенъ докладъ отъ сѣзда миссіонеровъ, который ходатайствуетъ, чтобы для обращающихся къ церкви на правилахъ единовѣрія тамъ, гдѣ по малочисленности обращающихся нельзя образовать слабыхъ единовѣрческихъ приходовъ, разрѣшено было совершать необходимыя требы по старопечатнымъ книгамъ мѣстнымъ православнымъ священникамъ, къ приходу которыхъ и должны принадлежать обращенные. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что уже и до настоящаго времени бывали случаи, когда высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, митрополитъ С.-Петербургскій, а также епархіальные архіереи Олонекскій, Астраханскій и другіе разрѣшали совершать литургіи въ православныхъ храмахъ по старопечатному богослужебнику.

Кромѣ того, въ засѣданіяхъ святѣйшаго синода будетъ рассмотрѣнъ полный каталогъ книгъ, необходимыхъ для противураскольническихъ библиотекъ — епархіальныхъ, благочинническихъ и церковныхъ. Каталогъ этотъ выработанъ комиссіею, состоявшею изъ протоіереевъ С. Камшенскаго, В. Нильскаго, священника С. Луканина и помощника библиотекаря хлудовской библиотеки въ Москвѣ М. Шустова. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ означеннаго каталога должно состояться опредѣленіе о порядкѣ пополненія библиотекъ книгами, внесенными въ этотъ каталогъ.

Наконецъ, святѣйшему синоду предстоитъ рѣшить вопросъ о времени и мѣстѣ второго сѣзда противураскольническихъ миссіонеровъ; первый такой сѣздъ состоялся въ Москвѣ въ іюлѣ 1887 года. Болѣе подходящими мѣстами для втораго сѣзда предполагаются Кіевъ и Казань. Одновременно съ назначеніемъ мѣста и срока созванія сѣзда будетъ также выработана программа его занятій.

— «Новое Время» сообщаетъ, что съ 1 января окончательно входитъ въ дѣйствіе новое положеніе о служебныхъ правахъ и окладахъ содержанія военнаго духовенства, выработанное въ военномъ миистерствѣ по проекту, составленному протоіереемъ с.-петербургскаго клиническаго госпиталя А. Ставровскимъ. Хотя нѣкоторыя права, какъ, напр., право выслуги десятилѣтнихъ прибавокъ къ жалованью по новымъ окладамъ, стали распространяться еще со дня Высочайшаго утвержденія положенія, т. е. съ 24 іюня 1887 года, но самыя оклады содержанія предположено было вводить постепенно. Такъ, съ нынѣшняго 1889 года введены новыя квартирныя и столовыя деньги по тѣмъ служебнымъ рангамъ, которые присвоены военному духовенству новымъ положеніемъ. Что же касается новыхъ окладовъ жалованья, то они будутъ введены съ 1 января 1890 года.

— Таже газета пишетъ, что до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло что въ послѣднее время въ губерніяхъ Привислянскаго края значительно увеличилось противъ прежняго число такъ называемыхъ «фестовъ» или областныхъ сѣздовъ католическаго духовенства, обусловливаемыхъ празднованіемъ того или другаго святаго. По собранымъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ настоящее время въ Люблинской губерніи ежегодно происходитъ свыше 250 фестивалей, а въ Ковенской — свыше 300 фестивалей. Въ виду этого обстоятельства, какъ намъ передавали, министерство внутреннихъ дѣлъ предложило мѣст-

нымъ губернаторамъ обратить строгое вниманіе на то, чтобы на будущее время всякія религіозныя торжества, сопровождаемыя сѣздами католическаго духовенства совершались не иначе, какъ съ особаго на то каждый разъ разрѣшенія и въ присутствіи представителей мѣстной административной власти.

— По почину преосвященнаго рижскаго, Арсенія, образованъ изъ мѣстныхъ преподавателей духовной семинаріи и духовнаго училища, а также изъ мѣстныхъ священниковъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ особый историко-статистическій комитетъ для разработки церковной исторіи въ предѣлахъ рижской епархіи.

— Совѣтомъ С.-Петербургскаго Общества хороваго пѣнія открываются классы обученія церковному пѣнію по нотамъ съ цѣлью подготовленія хоровъ для церквей. Приемъ лицъ обоаго пола, и занятія съ платою по одному рублю въ мѣсяцъ, происходятъ по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 7 до 9 час. вечера, въ помѣщеніи Общества.

— Въ Высочайше учрежденный комитетъ по сооружеію храма и благотворительныхъ учрежденій на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 года, съ 1 сентября по 1-е октября 1889 года поступило пожертвованій отъ разныхъ лицъ 4142 р. 22 к., а съ преждепоступившими 14,888 руб. 30 к. Кромѣ того, чрезъ главное дворцовое управленіе отъ Маріи Мудрякъ пожертвованы: кіотъ съ четырьмя образами и лампадою.

— 20 октября торжественно освященъ новый пріютъ для русскихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ, устроенный Императорскимъ палестинскимъ обществомъ. Въ двухъ-этажномъ пріютскомъ зданіи 6 комнатъ 1 класса, 13 комнатъ 2 класса и 250 кроватей въ 4 большихъ комнатахъ 3 класса.

— Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ поставленъ на разрѣшеніе вопросъ объ учрежденіи правительственнаго контроля надъ дѣятельностью благотворительныхъ обществъ. Вмѣстѣ съ симъ возбужденъ вопросъ и объ отмѣнѣ дарованныхъ нѣкоторымъ изъ нашихъ благотворительныхъ учрежденій привилегій, какъ то: пользованія членами ихъ, дѣлающими пожертвованія въ извѣстномъ размѣрѣ, правами государственной службы, ношенія мундировъ и проч.

— На сооружеію въ Петербургѣ памятника Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ Государь Императоръ назначилъ изъ собственныхъ суммъ 10,000 р., Государыня Императрица 5000 р., Наслѣдникъ Цесаревичъ 1000 р. и другія Особы Императорской Фамиліи 10,250 р.

— «Гражданинъ» сообщаетъ, что губернаторы губерній, въ которыхъ вводится съ января учрежденіе земскихъ начальниковъ, были приняты въ Гатчинѣ и воспріяли главныя руководительныя начала и указанія своихъ новыхъ обязанностей.

— По словамъ «Новаго Времени», министерство государственныхъ имуществъ разрѣшило принимать въ подвѣдомственные ему земледѣльческія и сельскохозяйственныя училища по нѣсколькучу человекъ народныхъ учителей, желающихъ практически изучить какую-либо отрасль сельскохозяйственной промышленности.

— Главное тюремное управленіе занято окончательной организаціею обязательнаго, но платнаго труда арестантовъ.

— «Новое Время» передаетъ, что на рассмотрѣніе государственнаго совѣта внесенъ проектъ новаго закона о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Сибири. Между прочимъ проектируется учрежденіе особыхъ должностей чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы

наблюденію ихъ подлежали не только собственно крестьянскія общественныя управленія, но и инородческія. При посредствѣ этихъ чиновниковъ надѣются ближе ознакомиться съ бытомъ инородцевъ и затѣмъ уже изыскать другія, наиболѣе дѣйствительныя средства для поднятія ихъ благосостоянія.

МИССИОНЕРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Изъ быта крещеныхъ чувашъ.

Въ тяжкіе для народа годы, по случаю неурожая, или какихъ либо эпидимическихъ болѣзней у чувашъ бываетъ большое или общественное богомолье—*Асли чукъ*. День для такого богомолья назначается на сельскомъ сходѣ, гдѣ также дѣлается раскладка по душамъ или дворамъ денегъ на покупку коровы или быка, или молодого жеребенка, овецъ, гусей, утокъ и проч. Здѣсь даже указывается на извѣстнаго быка, который покупается по первому запросу стоимости продавцемъ. Выторговать сколько нибудь рублей считается дѣломъ противорелигиознымъ, чѣмъ и пользуются нѣкоторые чувашы—продавцы. Указаніе же, у кого купить быка зависитъ отъ юмзей—знахарей, которые вообще пользуются большимъ почетомъ. Мѣсто для богомолья одинъ разъ навсегда избирается гдѣ либо въ лѣсу, въ оврагѣ, гдѣ есть въ избыткѣ родниковая вода. Въ день, назначенный для богомолья, выборный деревни съ нѣсколькими десятками чувашъ отправляется на мѣсто богомолья, взявши съ собою все нужное для совершения жертвы, въ сопровожденіи на этотъ разъ нарочито избраннаго изъ почетныхъ юмзей опытнаго юмзи—жреца. На мѣстѣ богомолья, на козлахъ, сдѣланныхъ на растущихъ деревьяхъ, навѣшиваются большіе чугунные котлы, наливается въ нихъ вода,—первое ведро въ каждый котель вливаетъ означенный жрецъ—и подкладываются дрова. Когда уже все приготовить и къ этому времени соберутся всѣ домохозяева извѣстной деревни, жрецъ знакомъ руки призываетъ всѣхъ къ молитвѣ и первый самъ падаетъ на колѣни*) чему слѣдуютъ всѣ, а онъ начинаетъ молитву, въ которой высказываются всѣ грѣхи и беззаконія ихъ и постигшія за оныя гнѣвъ Божій. Въ заключеніе же молитвы испрашивается Божіе помилованіе и отвращеніе отъ нихъ гнѣва, при чемъ юмзи, указывая рукою на стоящихъ тутъ же животныхъ, громкимъ голосомъ кричитъ, что они, Боже, приносятся Тебѣ для умилостивленія Тебя... и потомъ, вставши съ колѣнопреклоненной молитвы, беретъ изъ рукъ меньшаго юмзи ведро холодной воды, которую выливаетъ на животное, произнося слова: «*сирлазъ Тора!*» (помилуй Боже). Если животное по вылитіи на него перваго ведра воды отряхнется, то это считается благопріятнымъ знакомъ того, что Богу эта жертва угодна, посему тотчасъ же связываютъ такому животному ноги и закалываютъ. Но если съ перваго ведра воды животное не отряхивается, то выливается другое и третье и продолжается эта операція до тѣхъ поръ, пока животное не отряхнется съ себя воды: такъ дѣлаетъ юмзи и съ прочими животными и птицами. Когда всѣ животныя будутъ заколоты, шкуры съ нихъ содраны, а птицы ощипаны, тогда жрецъ снова становится на колѣна и прочитываетъ молитву, окончивъ которую, высѣкаетъ изъ кремня огонь и зажигаетъ имъ дрова только подъ первымъ котломъ, а изъ подъ перваго котла младшіе юмзи берутъ уже готовый огонь

для зажженія дровъ подъ другими котлами. Сваривши говядину и въ отварной кашу, меньшіе юмзи подаютъ старшему большія блюда и чашки, въ которыя онъ накладываетъ кашу, а они разставляютъ чашки на разостланные по луку большіе лубки. Когда раздадутъ всю кашу, тогда принимается старшій юмзи рѣзать по частямъ говядину такъ, чтобы каждому пришедшему на моленіе привелось получить отдѣльную часть; части эти раскладываютъ по блюдамъ тѣже младшіе юмзи. По раздачѣ всѣмъ и всего свареннаго, старшій юмзи снова становится на колѣна, а за нимъ и всѣ участвующіе въ моленіи, и начинаютъ читать молитвы, по прочтеніи которыхъ, всѣ встаютъ съ колѣнъ, а потомъ уже принимаются за ѣду. Юмзи беретъ голову старшаго животнаго и бросаетъ въ огонь, а остальные юмзи—прочія головы и ноги остальныхъ животныхъ и птицъ. Начинаетъ вкушать жертвенную пищу также старшій юмзи или жрецъ. На этомъ обѣдѣ бываетъ очень много мальчиковъ и постороннихъ; женщины у чувашъ въ моленіяхъ не участвуютъ. Оставшееся несъѣденнымъ разносятъ по домамъ для другихъ членовъ семейства, въ томъ числѣ и для женщинъ.

На одно изъ такихъ общественныхъ чувашскихъ моленій былъ купленъ для принесенія въ жертву у односельца чувашина, конечно, по указанію юмзи, быкъ, предназначавшійся уже нѣсколько лѣтъ для домашняго моленія. Быкъ этотъ былъ слишкомъ жиренъ и при поливаніи на него воды не разу не отряхивался, а потому владѣлецъ его, продержавъ у себя не менѣе 6 лѣтъ, рѣшился прибѣгнуть къ старшему юмзѣ, чтобы онъ, въ случаѣ общественнаго богомолья, указалъ на его быка, обѣщавъ за это поблагодарить юмзю. Быкъ былъ купленъ и приведенъ для жертвоприношенія. Началась операція возливанія холодной родниковой воды; на быка вылило было не менѣе двадцати ведръ, но онъ, ощущая отъ холодной воды облегченіе отъ сильнаго жара, стоялъ какъ вкопанный. Все же судьба какъ его, такъ и хозяина его, была не очень завидна: чувашы узнали о сдѣлкѣ юмзи съ владѣльцемъ быка, убили быка копытами, и разрубивши на части, бросили на сѣденіе дикимъ звѣрямъ, а владѣлецъ его былъ отлученъ отъ участія въ общественномъ моленіи и сельскихъ сходахъ, въ замѣнъ же денегъ, употребленныхъ на покупку быка, взята была мѣромъ у этого отлученнаго чувашина корова, которая и принесена уже на другой день въ жертву. Не обошлось даромъ и юмзѣ его корыстолюбіе: его, какъ злоупотребляющаго своимъ званіемъ, по совѣту другихъ старшихъ, вызванныхъ на этотъ разъ изъ другихъ деревень юмзей, лишили сего званія и запретили участвовать при всѣхъ моленіяхъ, даже въ качествѣ предстоящаго, а вмѣсто его избрали другаго—изъ меньшихъ юмзей.

Кисинь-чукъ, малое или семейное богомолье совершается въ домѣ членами семейства при участіи родственникомъ съ тѣми же обрядовыми церемоніями, какъ и большое богомолье, кромѣ того, что здѣсь юмзю или жреца замѣняетъ глава семейства.

Сюмуръ-чукъ, моленіе во время бездождя. Этотъ обрядъ моленія совершается исключительно дѣвками. Предъ началомъ этого чука, въ условленный день, дѣвочки собираютъ съ каждаго двора по нѣсколько крупы и молока, а собравши того и другаго въ достаточномъ количествѣ, отправляются къ рѣкѣ или пруду, гдѣ разводятъ огонь и варятъ кашу. Когда каша бываетъ готова, къ нимъ присоединяются парни, принося съ собою изъ дому члякъ или ведро и участвуютъ въ трапезѣ. По окончаніи трапезы всѣ они, какъ дѣвочки, такъ и парни, бросаются въ одеждѣ въ рѣку или прудъ, и, выйдя оттуда всѣ

*) Чувашы стоя на колѣнахъ, садятся на ноги.

мокрые и зачерпнувъ каждый воды въ имѣющійся у него сосудъ, отправляются по селу или деревнѣ и обливаютъ каждого, по-павшагося на встрѣчу, водою. Этотъ обрядъ моленія они стараются совершать къ вечеру, къ пригону стада, такъ какъ въ это время народъ собирается въ большомъ количествѣ къ околицѣ и каждый подвергается обливанію священной водою. Защищать себя отъ этого обливанія считается противорелигіознымъ проступкомъ*). При этомъ дѣло не обходится безъ женскаго крика и визга. Ужасно непріятно смотрѣть на подобное явленіе. Множество дѣвицъ съ растрепанными волосами, полуобнаженныхъ, босыхъ, въ однихъ рубашкахъ бѣгаютъ по улицамъ, забѣгаютъ въ дома, гдѣ каждого попавшагося имъ на глаза, обливаютъ водою. Даже и духовныя лица съ семействами подвергаются этой же участи, если заблаговременно не запрутъ ворота. Такой обрядъ совершается чувашами для умиловленія Бога, чтобы Онъ отвратилъ гнѣвъ свой и чтобы миновала угрожающая опасность неурожая хлѣба и плодовъ земныхъ.

Авданъ-сыры,—пиво съ пѣтухомъ, или поминовеніе родителей. Оно совершается осенью, почти въ одно время съ нашей родительской—Дмитровской субботой. Къ этому времени каждое семейство варитъ пиво и, въ извѣстный день зарѣзавши пѣтуха, нарочито оставленнаго къ этому случаю, и приготовивши прочаго съѣстнаго, приглашаетъ къ себѣ своихъ родныхъ, гдѣ за общимъ столомъ поминаются ихъ родные. Порядокъ этого поминовенія бываетъ такой: на столѣ, покрытомъ пестрою скатертью, ставится большая деревянная чашка или блюдо съ кашею и прочими съѣстными припасами, гдѣ главную роль играетъ заколотый пѣтухъ. Каждый, участвующій въ поминовеніи, ставитъ къ чашкѣ восковую свѣчу въ 2 коп. и глава семейства первый начинаетъ совершать поминовеніе, произнося при этомъ слова: «пиль ту» и, отламывая по небольшой частичкѣ отъ съѣстнаго, кладетъ эти части въ отдѣльную чашку. Послѣ него тоже самое продолжаютъ дѣлать и всѣ прочіе, участвующіе въ поминовеніи. По окончаніи поминовенія всѣми, чашка съ съѣстными припасами и съ зажженными свѣчами переносится къ порогу, гдѣ снова повторяется поминовеніе сначала главою семейства, а потомъ и прочими, но съ тою разницею, что тутъ отломленные отъ съѣстныхъ припасовъ частички не кладутся въ чашку, а выбрасываются въ волоковое окошко въ сѣни, гдѣ и съѣдаются собаками, которыхъ у чувашъ великое множество, и чѣмъ больше собирается собакъ для пожиранія поминальныхъ кушаний, тѣмъ болѣе, по мнѣнію чувашъ, бываетъ пользы для душъ поминавшихся родственниковъ. Части же, сложенные въ отдѣльную чашку, выносятся во дворъ и выбрасываются на повѣтъ, гдѣ и съѣдаются птицами. Здѣсь тоже примѣта, что и при пожираніи остатковъ собаками.

Съ нашей весенней родительской у чувашъ совпадаетъ семикъ—четвертокъ предъ Троицею. Обрядъ поминовенія совершается также, съ тою же однако разницею, что въ это время поминовеніе родителей происходитъ на ихъ могилахъ съ большою церемоніею. Берутся на кладбище скрипки, *сурнай* (волынки) и *шибыръ* (пузыри), туда же привозятся разные съѣстные при-

*) Во время одного такого моленія приходилось проходить мимо мѣста совершенія моленія священнику с. Чутѣва, блаженной памяти Г. М. К. со св. Дарами для напутствованія больного. Лишь только поравнялся онъ съ этимъ мѣстомъ, по долгу пастыря, сдѣлавъ чувашамъ вразумленіе, какъ вдругъ окружило его нѣсколько дѣвицъ, къ которымъ присоединились парни и повлекли было священника въ прудъ. И только устранивъ ихъ имѣющагося при немъ святынею, священникъ могъ избавиться отъ нихъ, но все таки весь былъ облитъ водою.

пасы и даже напитки. Совершивъ обрядъ поминовенія надъ умершими родными, чуваша начинаютъ и сами угощаться пивомъ, виномъ и квашеннымъ медомъ, за тѣмъ начинаютъ плакать, а потомъ плясать. Пробывъ на кладбищѣ нѣсколько времени, они возвращаются по домамъ и тамъ уже начинается у нихъ пьяное шумное гулянье, которое продолжается не менѣе недѣли.

Чуваша боготворятъ еще *киримети* и *гырыхи*. *Киримети* чувашъ обыкновенно бываютъ: или группа березокъ, или даже роща изъ нѣсколькихъ десятинъ лѣсу. Въ послѣднемъ случаѣ кириметь называется *аслы кириметь*—соборная кириметь. Отъ духа, обитающаго въ этихъ кириметяхъ, посылаются болѣзни: лихорадка, горячка, головныя боли и вообще всѣ болѣзни, разслабляющія челоуѣка. *Гырыхи*—это два—три вязовыхъ дерева; отъ духа, обитающаго въ нихъ, посылаются болѣзни наружныя: вереды, шолуди и т. п. Въ первыхъ изъ нихъ, по ихъ вѣрованію, обитаетъ злой, карающій духъ, почему они всячески стараются отклонять себя отъ его гнѣва всѣми средствами отъ нихъ мѣрами. Если приведется, по какому либо случаю, проѣзжать чувашину мимо киримети, онъ старается на этотъ разъ съѣсть задомъ къ ней, дабы взглядомъ своимъ не навлечь на себя ея гнѣва и мщенія. Поэтому и киримети у чувашъ большею частію находятся гдѣ либо въ сторонѣ отъ жилья, чтобы какъ можно рѣже приходилось проѣзжать мимо нея. Срубить же дерево въ этой священной рощѣ считается болѣе чѣмъ святотатствомъ, и всякій, кто только рѣшится на истребленіе киримети, не можетъ остаться не наказаннымъ отъ духа, обитающаго въ ней. Поэтому никто изъ нихъ и не рѣшается не только рубить кириметь, но даже брать изъ нея буреломъ. Кириметь у чувашъ — нѣчто въ родѣ заповѣдной рощи; здѣсь совершаются жертвоприношенія, состоящія изъ живаго скота, большею же частію извѣстное животное заклается дома, голова, ноги и часть свареннаго животнаго относятся въ кириметь, и тамъ, по совершеніи моленія, все принесенное оставляется въ жертву духу. При назначеніи жертвы главную роль играютъ юмзи. Если кто заболѣваетъ, то одинъ изъ членовъ семейства отправляется къ юмзѣ, который при этомъ не прямо высказываетъ причину болѣзни, но прабѣгаетъ къ своему искусству. А искусство юмзи состоитъ въ слѣдующемъ: онъ беретъ небольшой кусокъ чернаго хлѣба, разламываетъ его на двое и, сѣвши на лавку, одну часть кладетъ на лѣвую колѣнку, а въ другой кусокъ втыкаетъ иголку съ ниткою и начинаетъ качать этотъ кусокъ надъ кускомъ, положеннымъ на колѣна, произнося при этомъ какія-то слова, или молитвы. Затѣмъ объявляетъ причину болѣзни и послѣ этого назначаетъ извѣстную жертву киримети, состоящую изъ какаго либо животнаго или птицы. Приказаніе юмзи исполняется чувашами очень строго, а иногда, особенно при повальныхъ болѣзняхъ, обходится имъ не очень-то дешево. Не лишнимъ считаемъ передать здѣсь слѣдующій забавный случай. Въ одномъ изъ чувашскихъ селъ нѣкто изъ причетниковъ поссорился съ прихожаниномъ своимъ чувашинимъ, а при ссорѣ пригрозилъ отомстить ему. Вскорѣ послѣ этой ссоры заболѣла у чувашина единственная дочь дѣвица. Отецъ отправляется, по обыкновенію къ юмзѣ, но тотъ былъ уже предупрежденъ причетникомъ и повелъ дѣло въ свою пользу и въ пользу причетника. Погадавъ извѣстнымъ образомъ, юмзя объявилъ отцу больной дѣвицы, что болѣзнь ея произошла вслѣдствіе ссоры съ причетникомъ, который умолилъ кириметь отомстить ему, и для отвращенія гнѣва киримети и выздоровленія дочери должно при-

нести удовлетворительную жертву. Чувашинъ долженъ былъ исполнить это свято и, будучи довольно зажиточенъ, не щадилъ ничего. Причетникъ же ко времени принесенія жертвы отправляется въ киреметь и, влѣзши въ дупло большого дерева, ждетъ чувашина. Когда тотъ пришелъ съ жертвою и началъ просить духа о прощеніи его, а въ особенности своей больной дочери: *«сирлахъ аслы киреметь!»* т. е. помилуй, главная киреметь; то причетникъ сурово отвѣчая ему: *«сирлахмастынъ»* — не прощаю. Чувашинъ какъ громомъ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, и не только въ голосѣ причетника не могъ заподозрить человѣческаго голоса, но если бы даже на этотъ разъ причетникъ позволилъ себѣ явиться ему лично, то и тогда едва ли бы чувашинъ призналъ его за человѣка, а скорѣе всего за духа, обитающаго въ киремети. Оставивъ на мѣстѣ принесенную жертву, чувашинъ возвратился домой и немедленно пересказалъ о всемъ случившемся юмзѣ, который объяснилъ это особеннымъ раздраженіемъ киремети, высказавъ при этомъ, что во что бы ни стало, а слѣдуетъ умилостивить киреметь. Чувашинъ беретъ болѣе цѣнное животное и отправляется опять въ киреметь, но снова слышитъ тотъ же отвѣтъ: *«сирлахмастынъ»* и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока чувашинъ не привелъ въ киреметь стоявшаго у него на стойлѣ очень цѣннаго жеребца и только тогда получилъ отвѣтъ: *«сирлахмастынъ»* — прощаю. Между прочимъ всѣ животныя, принесенныя въ жертву причетникомъ, уводились и передавались въ руки тѣхъ, которые могли прятать концы всякаго дѣла въ воду. Нынѣ, впрочемъ, чуваша избобрѣли на случай жертвоприношенія нѣкоторую хитрость: вмѣсто животныя они приносятъ въ жертву *армахи*, — изображенія извѣстныхъ животныя, испеченныя изъ бѣлаго тѣста, что обходится имъ очень дешево, отъ 3 до 10 коп., и такое жертвоприношеніе нынѣ сдѣлалось почти общеупотребительнымъ, кромѣ развѣ важныхъ случаевъ, гдѣ животное ничѣмъ незамѣнимо. (Извѣстія по Казанской епархіи, 1889 г.).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Извѣстія изъ Сербіи, Болгаріи и Австріи.

— Сербская королева избрала для своихъ молитвенныхъ посѣщеній церковь св. Наталіи. Нѣкоторые изъ бѣлградскаго высшаго общества обратились къ королевѣ съ настойчивою просьбой посѣщать соборъ, куда собирается по большей части интеллигенція Бѣлграда, но королева отказалась исполнить эту просьбу, заявивъ что не желаетъ идти противъ воли нѣкоторыхъ регентовъ. Королева рѣшила и впредь посѣщать церковь св. Наталіи, въ которой, по случаю ея присутствія, бываетъ постоянно столько народа, что многимъ приходится стоять внѣ церкви. Въ нѣкоторые праздники здѣсь будетъ служить митрополитъ Михаилъ.

— 8-го ноября, день ангела сербскаго митрополита Михаила, былъ отпразднованъ въ Бѣлградѣ съ большою торжественностію. Во всѣхъ церквахъ было пропѣто маститому іерарху многолѣтіе и, послѣ богослуженія, къ митрополиту явились съ поздравленіями многія лица и депутаціи. Между посѣтителеми были королева Наталія и король Александръ. Между депутаціями особенно выдѣлялась депутація Черногорцевъ-переселенцевъ, которые, вмѣстѣ съ благожеланіями, выразили митрополиту благодарность за участіе въ ихъ судьбѣ. Какъ извѣстно, митрополитъ состоитъ предсѣдателемъ комитета образовавшагося для вспомо-

женія Черногорскимъ переселенцамъ. Митрополитомъ были получены также многія поздравительныя письма и телеграммы изъ Россіи.

— Корреспондентъ «Московск. Вѣд.» сообщаетъ слѣдующія извѣстія о протестантской пропагандѣ въ Болгаріи. «Вотъ свѣдѣнія о протестантской пропагандѣ, говоритъ онъ, изъ источника, который должно считать по означенному вопросу самымъ компетентнымъ. Это газета «Селянинъ», органъ болгарскаго духовенства, издаваемая священникомъ Игнатіемъ Рильскимъ въ Софіи. Нѣтъ нумера, въ которомъ бы газета не жаловалась на постоянное безпрепятственное распространеніе среди Болгаръ иновѣрческой пропаганды. Надняхъ газета помѣстила въ двухъ своихъ нумерахъ (58 и 59) статью за подписью священника Гроздана Мурджова, въ которой опять указываетъ на распространеніе протестантской пропаганды и увѣщеваетъ своихъ земляковъ отвернуться отъ пагубнаго ученія, которое подрываетъ въ нихъ не только вѣру въ святуя православную церковь, но также наноситъ вредъ ихъ народности.

«Количество протестантовъ», говоритъ газета, *увеличивается въ нашемъ отечествѣ изо дня въ день*, протестантскія училища открываются не только по большимъ городамъ Болгаріи, но и по селамъ, гдѣ, къ сожалѣнію, въ протестантизмъ переходятъ по большей части люди грамотные. Во всѣхъ протестантскихъ школахъ находятся преимущественно дѣти православныхъ Болгаръ, которые посылаютъ ихъ туда главнымъ образомъ для того, чтобъ ихъ сохранить отъ нравственнаго растлѣнія, каковому подвергаются ученики въ правительственныхъ болгарскихъ школахъ. Протестантизмъ прививается у насъ удивительно скоро. Стоитъ только въ какомъ-нибудь селѣ заявить одному или двумъ, что они принимаютъ протестантизмъ, какъ сейчасъ собирается около нихъ кружокъ новыхъ послѣдователей; сначала приходятъ къ нимъ ихъ родственники, послѣ знакомые, и когда соберется пять, шесть домовъ, они составляютъ отдѣльную общину, основываютъ училище и получаютъ проповѣдника, который имѣетъ ежегоднаго дохода 1.500 левовъ. Раньше, когда Болгарія была въ турецкомъ рабствѣ, многіе принимали протестантизмъ по нуждѣ. Принявъ протестантизмъ, они тѣмъ самымъ были обезпечены отъ турецкихъ преслѣдованій, а иногда и висѣлицъ, такъ какъ ихъ брали въ защиту дипломатическіе агенты Англіи и другихъ державъ. Однако послѣ освобожденія Болгаріи они почти всѣ возвратились въ православіе. Но какими же побужденіями руководствуются вѣроотступники въ настоящее время? Правда, и теперь многіе изъ перешедшихъ въ протестантизмъ, убѣдившись, что послѣдній не можетъ имъ дать того внутренняго покоя и утѣшенія, какія они находятъ въ церкви православной, опять возвращаются въ православіе, но со временемъ они все-таки дѣлаются въ религіозномъ отношеніи равнодушными. Протестантизмъ желаетъ поработить нашъ народъ въ религіозномъ отношеніи, чтобъ послѣ свергнуть насъ и въ политическое рабство. *Протестантская пропаганда способствуетъ все болѣе и болѣе усилывающемуся въ Болгаріи религіозному индифферентизму и космополитизму».*

— Австрійское правительство по совѣту и при энергичномъ содѣйствіи свскихъ преданныхъ слугъ рѣшило отнять у православныхъ церквей всѣ церковныя книги, печатанныя въ Петербургѣ и Москвѣ, и замѣнить ихъ другими, такими же, но напечатанными гдѣ-то въ Австріи, въ Вѣнѣ или во Львовѣ. Эти книги отличаются отъ русскихъ церковныхъ книгъ тѣмъ, что возлѣ текста, напечатаннаго кириллицей, находятся всякія

картинки чисто латинскаго содержанія, католическое изображеніе креста, начальныя буквы съ католическими эмблемами и и. д. Въ 1886 году, когда австрійцы начали тайкомъ вводить эти книги, заставляя священниковъ принимать ихъ, начался было протестъ со стороны этихъ послѣднихъ, но австрійцы ловко прекратили его путемъ обмана. Они стали убѣждать священниковъ, что они это дѣло дѣлаютъ для блага ихъ и ихъ паствы, что правительство рѣшило даромъ снабжать православныя церкви не только книгами, но и церковною утварью, такъ какъ для благолѣпія православія нужны и новыя красивыя книги и хорошая утварь. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ православные священники ни за что не соглашались на это, австрійцы ихъ заставляли согласиться угрозами и штрафами за всякія мелочи. Такимъ образомъ въ православныхъ церквяхъ появились свѣтлыя чаши, на которыхъ изображены латинскіе знаки и кресты, евангеліе съ изображеніемъ св. Богородицы и Христа совѣмъ по католическому и т. д. Подобное «благодѣтельство» православныхъ церквей, въ особенности сельскихъ, имѣло кромѣ вышеупомянутыхъ и другую цѣль именно забрать въ свои руки всѣ старинныя книги и церковную утварь, хранившуюся иногда цѣлыя столѣтія. Извѣстно, что православные монастыри и церкви всегда были хранилищемъ подобной старины и замѣчательныхъ памятниковъ прошедшаго. И вотъ австрійцы стремятся лишитъ сербовъ этихъ драгоценностей. Во многихъ мѣстахъ они дѣйствительно успѣли въ этомъ. Такъ не далеко отъ Вышеграда, въ одной сельской церкви въ деревнѣ Добриловицѣ, забрана масса старинныхъ книгъ, грамотъ сербскихъ королей и т. д. Конечно церковь получила другія книги въ хорошихъ переплетахъ, получила даже и какія то православныя иконы, но старины своей лишилась.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Воскресеніе Христова въ современныхъ иконописныхъ изображеніяхъ. Дѣйствительнаго члена Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія Евствіа Воронца. Спб. 1889.

Величайшее сверхъестественное событіе воскресенія Христова не поддается изображенію. Какъ — въ самомъ дѣлѣ — можно изобразить чудесный выходъ Христа изъ гроба, когда Христосъ воскресъ, запечатанну гробу (троп. въ недѣлю 40мину), сохранивъ цѣла знаменія (троп. 6 пѣсни пасх. канона), когда Онъ гроба не разрушилъ печатей (богородиченъ 5 пѣсни канона въ 3 недѣлю по Пасцѣ; ср. акаѳ. Господу Иисусу икосъ 7, стихира воскресн. 5 гласа на хвалит. и др.)? «Проникновеніе и прохожденіе чрезъ каменную твердыню» (выраженіе митроп. моск. Филарета) духовнаго прославленнаго тѣла Господня такъ же неизобразимо, какъ явленіе Господа ученикамъ *дверемъ затвореннымъ* (Іоан. 20, 19, 26). Мы вполнѣ понимаемъ поэтому, отчего въ древней церкви совѣмъ не изображалось событіе воскресенія Господня, — почему потомъ въ греческой церкви и у насъ на Руси вмѣсто воскресенія изображалась предшествовавшее ему сошествіе Христа во адъ и изведеніе изъ ада ветхозавѣтныхъ праведниковъ, или явленія Господу мирносоицамъ и ученикамъ *по воскресеніи*. Такое положеніе дѣла въ отношеніи къ изображенію воскресенія Господня самое естественное. Само Евангеліе повѣствуетъ намъ не о Господѣ воскресающемъ, но уже воскресшемъ и являющемся по Своемъ воскресеніи.

Но съ XVII вѣка въ восточную иконографію сталъ проникать западный типъ изображенія воскресенія Христова, представляю-

щій это событіе, такъ сказать, въ самомъ процессѣ его совершенія (Христосъ на иконахъ западнаго типа изображается *выходящимъ* изъ гроба, представляемого или просто въ видѣ открытаго ящика, или — археологически вѣрное — въ видѣ пещеры съ отворенною дверію). Изображеніе западнаго типа помѣшалось совмѣстно съ изображеніемъ сошествія Христа во адъ (въ двухъ-ярусныхъ иконахъ воскресенія Христова), а затѣмъ — и въ отдѣльности. Въ послѣднее время, хотя изображеніе сошествія Христа во адъ и не оставлено совѣмъ (см. напр. стѣнопись храма Христа Спасителя въ Москвѣ или недавно вышедшіе «Троицкіе образки»), — западный типъ возобладавъ въ нашей иконографіи надъ восточнымъ.

Г. Евстаѣй Воронецъ въ брошюрѣ, заглавіе которой мы написали, пересматриваетъ болѣе 20 изображеній воскресенія Христова по преимуществу западнаго типа, помѣщенныхъ въ разныхъ книжкахъ литургическаго и популярнаго священно-историческаго содержанія, въ иллюстрированныхъ журналахъ, — изданныхъ также отдѣльными листами. Онъ не разсматриваетъ иконъ въ особенномъ смыслѣ; однако или тѣ иллюстраціи, которыя онъ разсматриваетъ, представляютъ собою снимки съ иконъ (напр. съ иконы Штейбена, находящейся въ Исаакіевскомъ соборѣ), или онъ сами могли послужить руководствомъ для нѣкоторыхъ иконописцевъ. Во всякомъ случаѣ онъ и сами по себѣ должны подлежать критикѣ. Ее мы и находимъ въ брошюрѣ г. Воронца.

Критика г. Воронца справедлива и, продолжая ее, можно отнести неодобрительно и ко многимъ другимъ изображеніямъ воскресенія Христова (и на дскахъ, и на стѣнахъ и утвари нашихъ храмовъ). Въ концѣ брошюры авторъ устанавливаетъ слѣдующія правила относительно того, чего не должно представлять при изображеніи воскресенія Христова. 1) Не должно изображать воскресшаго Христа обнаженнымъ. 2) Не должно изображать Его ни парящимъ высоко надъ землею въ воздухѣ, ни возлетающимъ въ облакахъ, со странными положеніями рукъ и ногъ. 3) Не должно близъ Христа воскресшаго представлять римскихъ воиновъ, смотрящихъ и защищающихся. 4) Не должно изображать гробъ на открытомъ мѣстѣ. 5) Не должно изображать двухъ ангеловъ, а только одного. 6) Не должно представлять камень уже отваленнымъ отъ входной двери въ скалу — пещеру и выходъ открытымъ. 7) Не должно представлять вообще ничего лишняго, ничего такого, о чемъ не упоминается въ священномъ писаніи. Иконы, не удовлетворяющія нѣкоторымъ изъ этихъ требованій, г. Воронецъ называетъ неприличными, способными вызвать «не хорошія мысли и непріятныя чувства». Последнее можно сказать развѣ только *ad hominem*. Тѣмъ не менѣе должно вполнѣ пожелать, чтобы наши иконописцы при исполненіи иконъ воскресенія Христова исполняли указанныя г. Воронцомъ правила.

Кромѣ критики существующихъ изображеній — г. Воронецъ предлагаетъ свой проектъ иконы воскресенія Христова. «Возможно вѣрнѣйшее» изображеніе воскресенія Христова, по мнѣнію г. Воронца, должно быть представлено такъ:

Вдали, въ самомъ задѣ, съ одной стороны часть Іерусалима, а надъ нимъ, на горизонтѣ, должны видѣться первые проблески утренней зари. Остальное небо вверху, надъ всѣмъ рисункомъ, еще не освѣщено. Въ стѣнѣ Іерусалима, ближе къ зрителю, должна быть представлена въ отдаленіи же гора Голгоѳа съ тремя крестами... Большую часть главнаго фона рисунка долженъ занимать богатый садъ Іосифа Аримаѳейскаго, въ весеннюю, цвѣтущую на востокѣ пору года... Въ этомъ прекрасномъ саду

съ разнообразными роскошными восточными деревьями въ задѣ и кустами и цвѣтами спереди должна быть представлена часть большой пещеры — скалы съ приваленнымъ ко входной двери ея большимъ камнемъ. Въ этому камню и пещерѣ должны быть приложены большія печати первосвященниковъ иудейскихъ, или фарисеевъ, при чемъ должно быть ясно видно, что печати вполне цѣлы. Близъ этого запечатаннаго входа въ пещеру долженъ быть представленъ одинъ ангелъ, въ почительномъ положеніи, взирающій на Христа и готовый по Его волѣ отвалить для мироносицъ большой камень отъ двери пещеры, гдѣ былъ погребенъ Христосъ, чтобы видѣли, что въ гробу Христа уже нѣтъ. — На первомъ планѣ рисунка, въ самомъ центрѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ близъ запечатанной пещеры, должно изображать воскресшаго Христа Спасителя одѣтымъ по обыкновенію (лучше въ бѣломъ), съ величественно спокойнымъ, торжественнымъ выраженіемъ лица, благословляющимъ обѣими руками весь земной міръ, Имъ возрожденный. Для напоминанія о преобразованіи воскресеніемъ тѣла Христова, сдѣлавшагося способнымъ не нарушать положенія вещественныхъ предметовъ при соприкосновеніи съ ними, слѣдуетъ представлять воскресшаго Христа весьма легко стоящимъ на низкихъ расцвѣтшихъ цвѣтахъ, находящихся при дорожкѣ, ведущей ко входу въ пещеру, и именно такъ, что отъ соприкосновенія ногъ Христовыхъ не топчутся, не мнутся нѣжные, мелкіе расцвѣтшіе цвѣтки. Все тѣло Христово окружено свѣтомъ сіянія. — Между садомъ и Голговою, вдали, должны быть представлены подходящими къ саду три жены мироносицы, изъ которыхъ одна идетъ нѣсколько впереди прочихъ. А между Голговою и Иерусалимомъ могутъ быть изображены нѣсколько воиновъ, вооруженныхъ и въ смущеніи возвращающихся во Иерусалимъ. — Подобная икона и была уже написана для автора художникомъ г. Малышевымъ (снимокъ съ нея приложенъ къ брошюрѣ).

Что сказать объ этой иконѣ? Въ основѣ своей (изображеніе воскресшаго Господа при запечатанномъ гробѣ) оно не представляетъ положительной новости: она есть видоизмѣненіе того напр. изображенія воскресенія Христова художника В. Крюкова, которое *одобрено* опредѣленіемъ Св. Синода (въ изданіи: «Двунадесятые праздники и воскресеніе Господне». Сиб. 1889) и описано самимъ г. Воронцомъ (с. 8—9). Конечно, съ нѣкоторыми подробностями иконы можно не соглашаться. Напр. — дверь гроба Господня представлена слишкомъ высокою, не такую, какою устроена она въ Новомъ Иерусалимѣ по точному подражанію двери гроба Господня въ Старомъ Иерусалимѣ*). — Хотя бѣлая риза и вполне прилична прославленному состоянію Господа, — но не безъ основанія другіе стоятъ и за червленую (Апокал. 19, 13) ризу въ изображеніи воскресенія Христова. — Можно желать другой планировки фигуръ иконы, чтобы вѣрнѣе можно было ориентироваться (въ настоящей иконѣ, писанной по проекту г. Воронца, — по замѣчанію въ № 23 «Церковнаго Вѣстника» кн. Н. С. Голицына, первые проблески восходящаго солнца являются на сѣверѣ). Но это все детали. Въ общемъ же изображеніе по проекту Воронца достойно своего назначенія. Его даже можно предпочесть конкретному (иногда слишкомъ грубому) представленію того чисто духовнаго событія, о которомъ говорить св. ап. Петръ: «Христосъ *духомъ* проповѣдалъ находящимся въ темницѣ *духамъ*» (1 Петр. 3, 18, 19). Какъ можетъ судить и самъ читатель, рассматриваемая икона изображаетъ

*) Въ Старомъ Иерусалимѣ нѣтъ двери гроба Господня обѣчева и въ вышину, и въ ширину (для болѣе удобнаго входа).

моментъ *послѣ* воскресенія Христова и до перваго явленія Господа Маріи Магдалинѣ. Кн. Н. С. Голицынъ (въ указанной статьѣ) считаетъ «единственно возможнымъ» изображеніе воскресшаго Господа только въ Его первомъ явленіи Маріи Магдалинѣ. Но почему же нельзя изображать и воскресшаго Господа до Его явленія приблизительно такъ, какъ изображенъ Онъ на рассматриваемой иконѣ? Здѣсь нѣтъ той невозможности, какою является напр. для изображенія выхода Господа изъ гроба. — Рассматривая икону, написанную по проекту г. Воронца, мы находимъ еще, что она относится къ типу иконъ *сложныхъ*, т. е. такихъ, которыя, изображая какое-либо событіе, *въ тоже время* напоминаютъ о событіяхъ предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ. Она подобна напр. тѣмъ иконамъ рождества Христова, которыя изображаютъ не только поклоненіе пастырей въ вертепѣ, но и звѣзду волхвовъ надъ нимъ. Поэтому на ней и изображены Голгоѳа съ крестами, которые, вѣроятно, ко дню воскресенія Господня уже были убраны, и путешествіе мироносицъ ко гробу. Подобныхъ *сложныхъ* иконъ не чуждается церковь. Говоримъ все это въ защиту Воронца противъ замѣчаній кн. Н. С. Голицына, который считаетъ *не современнымъ* изображеніе Голгоѳы *съ крестами*.

Брошюра г. Воронца, какъ видитъ читатель, не лишена значенія — особенно для художниковъ иконописцевъ. Но г. Воронецъ напрасно говоритъ, что предметъ его брошюры «является вовсе не разработаннымъ и, можно сказать, даже еще почти не тронутымъ въ русской духовной литературѣ». Въ прошломъ году свящ. Мих. Нильскій затронулъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» вопросъ о томъ, «какое изъ существующихъ на иконахъ изображеній воскресенія Христова считать правильнымъ и согласнымъ съ ученіемъ церкви» (№ 17). Коротенькая замѣтка о Нильскаго сама не отличается обстоятельностью и основательностью, — но по поводу ея редація «Руководства» въ томъ же номерѣ помѣстила статью «объ изображеніяхъ воскресенія Христова», представляющую очень интересную археологическую справку объ этихъ изображеніяхъ. А еще ранѣе того, въ 1867 г., въ «Душеполезномъ Читеніи» была помѣщена обстоятельная статья д-на В. Никольскаго, по существу дѣла рассматривающая вопросъ объ изображеніяхъ воскресенія Христова. Въ этой статьѣ нѣкоторыя положенія брошюры г. Воронца и обстоятельнѣе выражены, и болѣе обоснованы*).

Житіе и подвиги въ Бозѣ почившаго блаженнаго памяти старца схимонаха Зосимы, его изреченія и извлеченія изъ его сочиненій. Въ 2 хъ частяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. 1889. 200+85. Ц. 1 р. 75 к.

Въ глухой, болотистой, до послѣдняго времени почти непроходимой мѣстности, «среди Верейскихъ болотъ», какъ сказалъ однажды преосвященный Леонидъ (см. Душеп. Чт. 1873, III, с. 419), пріютилась скромная женская обитель, именуемая Троице-Одигитриевскою или Зосимовскою пустынью. Эта обитель, какъ официально признанный монастырь, своимъ бытіемъ обязана высокому покровителю иночества, святителю московскому Филарету (см. Филарет. юбил. сборникъ, 1 т., с. 735—737) и годы своего существованія считаетъ съ 1856 года. Но неофициально обитель эта основана «среди Верейскихъ болотъ» тридцатью годами раньше, въ 1826 году, благочестивымъ стар-

*) Что касается замѣтки кн. Н. С. Голицына, появившейся по поводу статьи г. Воронца, то ея основную неправильность составляетъ представленіе воскресенія Христова, какъ выхода изъ отверстаго гроба.

цемъ Зосимою, почему и называется Зосимовскою (а еще ранѣе она существовала въ Сибири, въ Туринскѣ, откуда по извѣстнымъ обстоятельствамъ и была переведена въ Московскую епархію). Жизнь этого-то первооснователя Троице-Одигитріевской пустыни и описываетъ настоящая книга.

Жизнеописание это составлено одною изъ ближайшихъ ученичь о. Зосимы, которая имѣла полное право называть его «отцемъ своимъ» (стр. 17, 28), если не ошибаемся, — авторъ этого жизнеописанія та самая Вѣра (въ мѣрѣ Варвара Верховская), родная племянница о. Зосимы, которая была преемницею его по управленію обителью и—первою игуменьею. Первое изданіе жизнеописанія было въ 1860 году. Мы слышали, что еще въ рукописи жизнеописание это было на просмотрѣ у митрополита Филарета и что высокій редакторъ отмѣтилъ нѣкоторыя мѣста, печатаніе которыхъ, по его мнѣнію, должно быть отложено до 2-го изданія (такъ какъ еще живы были ближайшіе родственники тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ мѣстахъ, и такъ какъ вообще печатаніе этихъ мѣстъ по его суду было преждевременнымъ). Теперь жизнеописание напечатано полностью. Второй части настоящаго изданія, представляющей отрывочные эпизоды изъ жизни о. Зосимы, запись его мудрыхъ совѣтовъ и изреченій и наконецъ извлеченія изъ его собственныхъ сочиненій, въ первомъ изданіи совсѣмъ не было.

При писаніи настоящаго жизнеописанія авторъ пользовался не только рассказами самого о. Зосимы, но и его собственными записками, изъ которыхъ есть и печатная (о жизни П. А. Мичурина и о. Василиска).

О. Зосима (1766—1833), происходившій изъ рода дворянъ Верховскихъ,—одинъ изъ высокыхъ образцовъ подвижничества времени, весьма близкаго къ нашему. Въмѣстѣ съ другимъ подобнымъ ему подвижникомъ о. Василискомъ онъ подвизался въ Коневской обители и лѣсахъ Сибири. Послѣ Господу угодно было, чтобы онъ сталъ основателемъ женской обители сперва въ Сибири, а потомъ въ предѣлахъ Московской епархіи. Описание его подвижнической жизни не только интересно, но и высоко назидательно, и не только для духовныхъ чадъ его, живущихъ въ основанной имъ обители, и всѣхъ вообще монашествующихъ, но и мірянъ, стремящихся къ нравственному преуспѣянію. Совѣты о. Зосимы при всей ихъ простотѣ—удивительно мудры; они—результатъ всей его аскетической жизни. Въ самой своей жизни о. Зосима можетъ служить образцомъ для многихъ, потому что онъ преодолѣлъ искушенія разнаго рода. Сочиненія его, касающіяся монашества и писанныя по славянски, вдохновлены свято-отеческой аскетической литературой (Василій Великій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Исаакъ Сиринъ и др.), съ которой онъ былъ хорошо знакомъ. По всему этому жизнеописание о. Зосимы можно рекомендовать всѣмъ любителямъ назидательнаго чтенія. Кромѣ того она представляетъ интересный матеріалъ для исторіи монашества на Руси въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Во внѣшнемъ отношеніи жизнеописание издано тщательно и изящно. Къ нему приложено литографированное изображеніе святолипаго лика о. Зосимы.

Ст.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

БЕСѢДА СО СТАРООБРЯДЦАМИ. ВЪ ДОМѢ ХАЛАТОВА.

Въ воскресенье, 19 ноября, въ домѣ Халатова, у Лузскаго моста, происходила четвертая бесѣда со старообрядцами. Послѣ общаго пѣнія молитвы *Царю Небесный*, преосвященный Виссаріонъ, прочитавъ воскресный апостолъ, послѣдовательно и подробно выяснилъ смыслъ каждаго стиха.

Затѣмъ священникъ Іоаннъ Орфанитскій предложилъ бесѣду о воплощеніи Сына Божія, по 3-му члену Символа Вѣры. Между прочимъ, отцомъ собесѣдникомъ выяснено было, во-первыхъ, что старообрядцы опускаютъ и предъ словомъ *«вочеловѣчшася»*, вопреки древнимъ спискамъ Символа Вѣры; во-вторыхъ, въ первомъ посланіи Іоанна вмѣсто словъ *«во плоти пришедша»*, они читаютъ *«въ плоть пришедша»*, что противорѣчитъ греческому тексту, а главное—ученію самого ап. Іоанна (1 посл. гл. 1, ст. 1—2); в-третьихъ, согласно съ послѣдователями римско-католическаго исповѣданія, старообрядцы учатъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери.

По окончаніи бесѣды по благословенію преосвященнаго возшелъ на кафедру М. Е. Шустовъ (православный) и показалъ принесенныя имъ изъ Хлудовской бібліотеки старо-печатныя книги: а) Евангеліе писанное на пергаменѣ для Новгородскаго епископа св. Моисея (XIV вѣка), б) древнѣйшую рукопись Максима Грека, которая приобрѣтена была покойнымъ Хлудовымъ у одного старообрядца. Шустовъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то обстоятельство, что во всѣхъ мѣстахъ въ этой книгѣ, гдѣ имя Спасителя начертано *Иисусъ*, вторая буква *и* выскоблена, чтобы получать любимое старообрядцами начертаніе *Исусъ*.

На приглашеніе преосвященнаго Виссаріона не пожелаетъ ли кто-нибудь изъ старообрядцевъ возражать отцу Орфанитскому, никто изъ нихъ не вышелъ. «Это служитъ яснымъ доказательствомъ того, сказалъ собранію преосвященный, что старообрядцы мало-по-малу начинаютъ сознать, что истина на сторонѣ Православной церкви, такъ какъ молчаніе есть знакъ согласія».

Въ заключеніе православные, присутствовавшіе на бесѣдѣ, подъ руководствомъ архимандрита Іоны, пропѣли молитву *Достойно есть*.

СОБЕСѢДОВАНИЕ СО СТАРООБРЯДЦАМИ ВЪ СЕМИНАРСКОЙ ЦЕРКВИ 19-го НОЯБРЯ, 1888 ГОДА.

19 го ноября происходило второе собесѣдованіе со старообрядцами въ семинарской церкви, именно — о «Символѣ вѣры». Послѣ молитвы «Царю Небесный» о. Максимовъ предложилъ вниманію слушателей поученіе «о христіанскомъ провозвѣщеніи праздниковъ», въ заключеніе котораго высказалъ такую мысль: «старообрядцы не могутъ проводить праздники такъ, какъ ихъ долженъ проводить каждый истинный христіанинъ; у нихъ нѣтъ Богоучрежденной іерархіи, таинствъ и храмовъ, словомъ, — ихъ праздники преложены въ плачь. Это то и должно было бы образумить ихъ и обратить ко св. церкви, которую они такъ несправедливо порицаютъ. Таковы, напр., ихъ нареканія на св. церковь за тѣ исправленія, которыя она сдѣлала въ текстѣ Символа вѣры».

Послѣ рѣчи о. Максимова воспитанникомъ VI-го класса Павломъ Бѣляевымъ были изложены, разобраны и опровергнуты обвиненія, направленные старообрядцами противъ Греко-Россійской церкви, и состоящія въ томъ, что она яко-бы искажала Символь вѣры. Православная церковь, говорилъ Бѣляевъ, не читая въ VIII членѣ слова «истиннаго», этимъ самымъ не отвергаетъ догмата о божествѣ Св. Духа, какъ думаютъ старообрядцы. Напротивъ, она исповѣдуетъ Его Богомъ истиннымъ, единосущнымъ, равночестнымъ и равнопоклоняемымъ Богу Отцу и Богу Сыну, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ словъ VIII-го члена: «Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима», а также изъ ея символическихъ и богослужебныхъ книгъ. Если же православная церковь читаетъ VIII-й членъ Символа вѣры безъ слова «истиннаго», то потому, что читать это слово не положилъ 2-й вселенскій соборъ.

А что 2-й вселенскій соборъ не постановилъ читать слово «истиннаго» въ VIII членѣ Символа вѣры между словами «Господа» и «животворящаго», это продолжалъ послѣ Бѣляева доказывать воспитанникъ Александръ Рѣчменскій. Онъ перечислилъ древніе переводы Никеоцареградскаго Символа, употреблявшіеся древними православными помѣстными церквами (Латинскій переводъ—въ собр. соч. Діонисія Малаго VI в.; Грузинскій переводъ, Сирскій, Арабскій и древній Славянскій — въ Кормчей XIII-го в. Румянц. библ. № 230, л. 2; въ харатейной Псалтири XV в. библ. Синод. типогр. № 150, л. 89 и мн. др.). Во всѣхъ этихъ памятникахъ VIII членъ Символа вѣры находится безъ слова «истиннаго». Памятниковъ же съ XI и до XVI вв., въ которыхъ бы VIII-й членъ Символа вѣры читался съ прибавленіемъ слова «истиннаго» до сего времени не найдено ни одного и поэтому, заключилъ свою рѣчь Рѣчменскій, нареканія старообрядцевъ на церковь и отдѣленіе ихъ отъ нея неосновательны.

Послѣ этого о. Максимовъ предложилъ присутствовавшимъ разсмотрѣть харатейную «Слѣдовавшую Псалтирь», принадлежавшую пр. Зосимѣ, чудотворцу Соловецкому, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на книгѣ рукою св. Филиппа митр. Московскаго. Въ ней, на листѣ 103, VIII членъ Символа вѣры читается безъ слова «истиннаго».

Въ это время изъ среды старообрядцевъ выдѣлился одинъ и сдѣлалъ о. Максимову такое возраженіе:

— А покажите намъ, гдѣ бы первые пять русскихъ патріарховъ напечатали Символь вѣры безъ слова «истиннаго» въ VIII членѣ, и скажите, какъ читался онъ при этихъ пяти патріархахъ: со словомъ «истиннаго», или безъ него?

— Но вѣдь св. Зосима-то Соловецкій жилъ ранѣе первыхъ пяти патріарховъ, отвѣтилъ о. Максимовъ, и слѣдовательно ранѣе этихъ пяти патріарховъ Символь вѣры читался безъ слова «истиннаго» въ VIII членѣ, какъ и видно изъ этого драгоценнаго памятника и изъ другихъ, о которыхъ говорилось сейчасъ.

— Нѣтъ вы намъ докажете, настаивалъ старообрядецъ, чтобы при первыхъ пяти патріархахъ читался Символь вѣры безъ слова «истиннаго»?

— Безъ сомнѣнія, и при пяти патріархахъ Символь вѣры печатался и читался хотя и не вездѣ, безъ слова «истиннаго». Что онъ печатался безъ этого слова, видно изъ Малаго Катихизиса, издавна при патріархѣ Іосифѣ въ 1649 году, гдѣ слова «истиннаго» въ VIII членѣ не положено. А что онъ читался безъ этого слова, видно изъ того, что Стоглавый соборъ повелѣлъ читать VIII членъ или со словомъ «истиннаго», но

безъ слова «Господа», или со словомъ «Господа», но безъ слова «истиннаго». Конечно, многіе слѣдовали второму пункту этого постановленія собора и читали Символь вѣры безъ слова «истиннаго», а со словомъ «Господа», т. е. такъ, какъ читается онъ и теперь св. православною церковію. Далѣе, что и при первыхъ пяти патріархахъ Символь вѣры читался безъ слова истиннаго, это можно видѣть и изъ того, что въ тѣ времена во многихъ церквахъ отправляли богослуженіе по рукописнымъ книгамъ, а въ этихъ рукописныхъ книгахъ, если и не во всѣхъ, то во многихъ, слова «истиннаго» не было, какъ въ этой рукописной Псалтири св. Зосимы Соловецкаго. Кромѣ того, у насъ не безызвѣстно было и греческое чтеніе Символа вѣры, съ которымъ вполне согласно нынѣшнее чтеніе св. православной церкви.

Совопрсникъ умолкъ... Сами старообрядцы видимо сознали несостоятельность его возраженія и одинъ изъ нихъ, довольно еще молодой человекъ, безцеремонно отодвинулъ его назадъ и выступилъ самъ ратовать «за истинную вѣру».

— А что, батюшка, обратился онъ къ о. Максиму, — если мы теперь читаемъ Символь вѣры съ прибавленіемъ слова «истиннаго», то подь клятвою мы лежимъ или нѣтъ? — Вѣдь вы знаете, вселенскіе соборы постановили, что кто прибавитъ или убавитъ хоть одну іоту въ чтеніи Символа вѣры, тотъ да будетъ проклятъ (Кирилл. кн. л. 44 зн. 7-е).

Странная казуистика въ устахъ людей, не желающихъ сознать свое заблужденіе! Она замѣчается на всѣхъ бесѣдахъ, когда старообрядцы не знаютъ, что сказать противъ неопровержимаго довода православныхъ миссіонеровъ, какъ избѣгнуть осужденія со стороны православныхъ слушателей, а всего болѣе — со стороны своихъ же старообрядцевъ. Въ подобныхъ случаяхъ они хватаются обыкновенно или за первое попавшееся слово, сказанное миссіонеромъ и стараются извратить смыслъ этого слова, или же, какъ и было поступлено въ настоящемъ случаѣ, берутъ вопросъ, не соответствующій предмету бесѣды, подчасъ не имѣющій съ нею никакого соотношенія, предлагаютъ его миссіонеру и если тотъ заявитъ, что вопросъ не соответствуетъ предмету бесѣды, то они стараются выставить себя побѣдителями, торжествуютъ и похваляются. Но обыкновенно замѣчается, что эти ихъ же вопросы служатъ для нихъ жюю, что они, предлагая таковыя православнымъ миссіонерамъ, оказываютъ тѣмъ съ одной стороны свое безсиліе вести бесѣду объ извѣстномъ предметѣ, и съ другой стороны — подрываютъ къ себѣ довѣріе со стороны своихъ же.

— Этотъ вопросъ вашъ, возразилъ о. Максимовъ, не соответствуетъ предмету бесѣды: мы бесѣдуемъ о томъ, какое чтеніе Символа вѣры правильно, и какое неправильно, а не о томъ, за что и на кого вселенскіе соборы положили клятвы.

— Нѣтъ, вы скажите, продолжалъ старообрядецъ, — прибавлять или убавлять въ Символѣ вѣры — ересь или нѣтъ? И прибавлять слово «истиннаго» — ересь, или нѣтъ?

— Въ прибавленіи слова «истиннаго» ереси конечно нѣтъ, отвѣтилъ о. Максимовъ, потому что мы исповѣдуемъ Св. Духа Богомъ Истиннымъ; а если не читаемъ этого слова, то потому, что 2-й вселенскій соборъ не постановилъ читать его, а не потому, что читать его — значитъ быть еретикомъ.

Здѣсь изъ среды православныхъ выступилъ одинъ почтенный старецъ, имя котораго, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстно, и испросивъ благословеніе у о. ректора, возразилъ старообрядцу:

— Прибавленіе слова «истиннаго» въ VIII членѣ Символа вѣры не есть ересь, но есть шагъ къ ереси, потому что это прибавленіе есть плодъ дерзкаго своеволя противъ постановленія вселенскихъ соборовъ. Коль скоро мы знаемъ, что II-й вселенскій соборъ не постановилъ читать слова «истиннаго», то зачѣмъ же станемъ читать его? Коль скоро, опять, мы знаемъ, что вселенскіе соборы положили клятву за прибавленіе іоты къ тексту Символа вѣры, то зачѣмъ намъ прибавлять какое бы то ни было слово?

Послѣ рѣчи старца о. Максимовъ предложилъ снова старообрядцамъ сказать что нибудь въ пользу правильности своего чтенія Символа вѣры. Отвѣчать выступилъ извѣстный начетчикъ Ѳ. Онисимовъ, но какъ бы упуская изъ виду отвѣтъ на прямой вопросъ, спросилъ о. Максимова:

— А чѣмъ вы, о. Максимовъ, докажете правильность своего чтенія?

— Мы по возможности доказали его тѣми памятниками древности, о которыхъ была уже рѣчь, и согласіемъ Греко-Россійской церкви въ чтеніи Символа Вѣры съ церковію Вселенскою.

— А чѣмъ докажете, что *ваше* чтеніе согласно съ чтеніемъ установленнымъ 2-мъ Вселенскимъ Соборомъ? Покажите намъ «оригиналъ» постановленія 2-го Вселенскаго Собора?

— Требованіе ваше излишне и неосновательно, возразилъ о. Максимовъ. Мало-ли какихъ писаній не сохранилось въ подлинникахъ—напр. даже самихъ Евангелій.,— тѣмъ не менѣе это не даетъ намъ основанія сомнѣваться въ неповрежденности самихъ писаній. Но вотъ что же вы ничего не скажете въ пользу правильности вашего чтенія Символа вѣры?

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало. Онисимовъ заявилъ только: «наше чтеніе правильно» и ограничился этимъ заявленіемъ. Больше онъ ничего не сказалъ въ пользу правильности своего чтенія и завелъ рѣчь о томъ, о чемъ заводили ее старообрядцы ранѣе: «ересь, или нѣтъ — прибавлять слово *истиннаго*»?

— На это былъ данъ вамъ отвѣтъ.

— Отвѣтъ невѣрный, категорично заявилъ Онисимовъ, потому что прибавлять что-бы то ни было къ тексту Символа вѣры безусловно воспрещается всѣми вселенскими соборами подъ страхомъ клятвы.

— Въ такомъ случаѣ вы своими-же устами произносите на себя приговоръ.

— А если такъ, то и вы находитесь подъ клятвою, потому что позволяете своимъ единовѣрцамъ читать осьмой членъ Символа вѣры со словомъ «истиннаго».

— Правда, сказалъ о. Максимовъ, Греко-Россійская церковь позволяетъ читать единовѣрцамъ осьмой членъ Символа вѣры со словомъ «истиннаго» снисходя къ нимъ; но вѣдь это не значитъ, что она сама читаетъ его такъ.

— Да вѣдь единовѣрцы то ваши? Слѣдовательно они и вы подъ клятвою!

— Клятву на единовѣрцевъ и на насъ изрекаете вы, отвѣтилъ о. Максимовъ: вселенская же церковь ни на нихъ, ни на насъ за это чтеніе клятвы не изрекала.

— Да вѣдь прибавлять слово «истиннаго»—ересь!

— Это опять ваши слова, а мы вамъ такъ не говорили. Да и зачѣмъ вы ссылаетесь на единовѣрцевъ, которые вселенскую церковь не составляютъ?

— Да вѣдь единовѣрцы то ваши, не безъ проныи повторилъ свое заявленіе Онисимовъ.

О. Максимовъ отвѣтилъ:

— Если вы будете тонуть и увидите плывущее около васъ бревно и соломенку: за что постараетесь ухватиться,— за бревно, или за соломенку?

— За бревно, сказалъ Онисимовъ.

— Такъ зачѣмъ же въ данномъ случаѣ хватаетесь за соломенку? Зачѣмъ теперь ссылаетесь не на вселенскую церковь, а на единовѣрцевъ.

Онисимовъ, видя безвыходность своего положенія, завелъ было рѣчь снова о подлинникѣ постановленія 2-го вселенскаго собора. Но въ виду того, что объ этомъ рѣчь была выше, а старообрядцы ничего не сказали въ пользу правильности своего чтенія Символа вѣры, о. Максимовъ на этомъ и прикончилъ бесѣду въ 7½ часовъ вечера.

На этомъ собесѣдованіи, какъ и на предъидущемъ православныхъ слушателей было очень много.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ НАПРАСЛИНЪ, ВОЗВОДИМЫХЪ НА МОСКОВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Въ 20-мъ журнале «Дѣтская Помощь», издаваемого бывшимъ воспитаникомъ и бакалавромъ Московской духовной академіи протоіереемъ Смирновымъ-Платоновымъ, напечатана отъ редакціи передовая статья подъ заглавіемъ: «Москва, 15 октября 1889 года. По поводу одного новаго благотворительнаго предпріятія». Въ этой статьѣ авторъ сообщаетъ читателямъ о началѣ и существенныхъ чертахъ организующагося «благотворительнаго товарищескаго союза для поддержки впадающихъ въ стѣсненное положеніе бывшихъ воспитанниковъ академіи». Казалось бы, что такая статья можетъ быть встрѣчена только сочувствіемъ, но она сопровождается такимъ введеніемъ, которое возбуждаетъ и должно возбудить тяжелое чувство во всякомъ, кому дорого доброе имя академіи.

Авторъ начинаетъ свою рѣчь съ напоминанія о нѣкогда возбуждавшемся вопросѣ относительно перевода академіи въ Москву,—вопросѣ, который, по его мнѣнію, и доселѣ остается открытымъ, потому что «причины вызывающія перемѣщеніе академіи въ Москву, нисколько не потеряли своей силы».

Московская академія доселѣ остается въ посадѣ и въ этомъ обстоятельстве авторъ видитъ причину цѣлаго ряда неблагопріятныхъ послѣдствій, обнаруживающихся въ ея жизни.

Мы ничего не имѣемъ противъ основной мысли автора по этому вопросу, такъ какъ и съ своей стороны находимъ, что существованіе академіи въ Москвѣ несомнѣнно во многихъ отношеніяхъ сопровождалось бы благими послѣдствіями и для академіи и для общества. Мы тѣмъ менѣе склонны возражать противъ этой мысли, что вся статья автора представляетъ собою самое прискорбное доказательство того, какими грустными послѣдствіями сопровождается удаленіе академіи отъ Москвы. Статья эта ясно показываетъ, что даже просвѣщенные члены Московскаго духовенства, близко стоящіе къ литературѣ и общественной жизни, сами получившіе образованіе въ Московской академіи и служившіе въ ней иногда до того, что, вѣроятно вслѣдствіе отдаленности отъ посада, утрачиваютъ истинное понятіе о жизни и дѣятельности родной имъ академіи, начинаютъ судить о ней, какъ иностранцы о Россіи, и, подъ видомъ благожеланія, взводятъ на свою alma mater цѣлый

рядъ небылицъ, могущихъ ввести въ заблужденіе всякаго посторонняго читателя.

Свои сѣтованія авторъ излагаетъ, къ сожалѣнію, въ такой формѣ, что они получаютъ характеръ обвиненій академіи и ея дѣателей и рисуютъ ихъ предъ читателемъ въ видѣ какой-то коснѣющей и мохомъ поросшей ереды, тогда какъ на самомъ дѣлѣ или академія совсѣмъ не отвѣтственна за то, въ чемъ автору угодно обвинять ее, или же его обвиненія обнаруживаютъ только его непростительно-слабое знакомство съ жизнію воспитавшаго его учрежденія.

«Перваго минушаго октября, пишетъ авторъ, исполнилось семидесяти-пяти-лѣтіе со времени учрежденія Московской духовной академіи. Это многознаменательное событіе не вызвало въ академіи никакого живаго движенія. Академія не извѣщала о своемъ юбилеѣ, не приглашала на него и не праздновала,—не появилось даже исторической записки. Юбилей учрежденія обыкновенно приводитъ въ движеніе его жизненныя силы и сводитъ къ сознанію итоги его дѣятельности, такъ что значеніе и вліяніе учрежденія какъ въ фокусѣ отражаются въ его юбилеѣ. Что же можетъ означать такое явленіе, какое представила Московская академія минушаго 1 октября, въ которомъ отразилось игнорированіе собственнаго юбилея?» — Просматривая эти такъ рѣзко и самоувѣренно написанныя строки, читатель можетъ быть подумаетъ, что празднованіе семидесяти-пяти-лѣтняго юбилея представляетъ собою такой общепризнанный священный долгъ, о которомъ могла забыть только закоснѣлая Московская академія, утратившая всякое самосознаніе. Ничуть не бывало. Мы прежде всего замѣтимъ автору, что правительство совсѣмъ не раздѣляетъ его мысли о законности и необходимости семидесяти-пяти-лѣтнихъ юбилеевъ. Въ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета министровъ отъ 6-го февраля 1876 года всякій можетъ прочитатъ такія слова: «Дозволенными для юбилейныхъ празднованій сроками могутъ быть принимаемы: для учрежденій, заведеній и обществъ—истеченіе полныхъ полустолѣтій ихъ существованія». (Полное собр. зак. Росс. имперіи т. II, отд. I, № 55, 551). Вникая въ смыслъ и приведенные въ текстѣ мотивы этого узаконенія легко убѣдиться, что правительство совсѣмъ не придерживается взгляда автора на семидесяти-пяти-лѣтніе и другіе подобные юбилеи, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно, конечно, не стало бы выражать желанія ихъ ограниченія.—Да не подумаютъ читатели, что и общество вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе нашего автора на священный характеръ семидесяти-пяти-лѣтняго юбилея. Мы укажемъ ему два-три примѣра изъ исторіи нашего отечественнаго просвѣщенія, которые ясно покажутъ, на какомъ зыбкомъ пескѣ основано его тяжкое обвиненіе противъ Московской академіи. Пять лѣтъ тому назадъ уже исполнилось семидесяти-пяти-лѣтіе со времени открытія С.-Петербургской духовной академіи и эта старѣйшая, родоначальница всѣхъ новыхъ духовныхъ академій «не извѣщала о своемъ юбилеѣ, не приглашала на него и не праздновала». Въ ноябрѣ 1879 г. исполнилось 75 лѣтъ со времени учрежденія, а въ январѣ и февралѣ 1880 г. — со времени открытія университетовъ Харьковскаго и Казанскаго и они точно также «не извѣщали о своемъ юбилеѣ, не приглашали на него и не праздновали». Эти примѣры касаются, какъ видите, или академіи, находящейся въ столицѣ, или университетовъ, при которыхъ существуютъ и многія ученые общества и къ жизни которыхъ авторъ относится съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ восторгомъ. Что нибудь одно: — или авторъ долженъ признать, что отсутствіе празднованія семидесяти-пяти-лѣтняго юбилея вовсе не доказываетъ въ

учрежденіи отсутствія самосознанія и игнорированія своего прошлаго, или же согласиться съ тѣмъ, что такое бѣдственное состояніе не составляетъ исключительной принадлежности Московской академіи и что, слѣдовательно ея замкнутое и отдаленное отъ Москвы положеніе въ данномъ случаѣ совершенно ни при чемъ. Что касается исторической записки, то само-собою разумѣется, что, не празднуя своего семидесяти-пяти-лѣтняго и уже имѣя свою исторію до 1870 года, написанную покойнымъ С. К. Смирновымъ, академія не имѣла никакихъ побужденій дарить автору такую записку именно теперь, а если бы онъ взялъ на себя трудъ, прежде написанія своей статьи, заглянуть въ послѣднюю книгу Московскаго академическаго журнала, онъ могъ бы увидѣть въ ней начало работы проф. Корсунскаго подъ заглавіемъ: «труды Московской духовной академіи по переводу Св. Писанія и твореній св. отцевъ на русскій языкъ за семьдесятъ пять лѣтъ ея существованія». Эта работа должна была бы убѣдить его, что и не празднуя своего юбилея, академія вовсе не думаетъ «порывать связь съ своимъ прошлымъ». Чтобы покончить наконецъ съ вопросомъ объ юбилеѣ, укажемъ на тотъ отрадный фактъ, что никто изъ бывшихъ питомцевъ Петербургской академіи и Харьковскаго и Казанскаго университетовъ не счелъ возможнымъ упрекать ихъ за отсутствіе празднованія ихъ семидесяти-пяти-лѣтняго юбилея. Вѣроятно эти питомцы больше знакомы съ внутреннею жизнію воспитавшихъ ихъ учреждений, чѣмъ нашъ просвѣщенный авторъ, и въ ихъ средѣ не нашлось, къ счастью, такихъ пасынковъ и quasi-доброжелателей, которые способны были бы, не подумавши, бросать въ свою alma mater комками грязи.

Сравнивая далѣе жизнь академіи съ бытомъ высшихъ учебныхъ учреждений въ столицахъ, каковы напр. университеты, авторъ сѣтуетъ на то, что «Московская академія не образовала ни одного ученаго общества, ни богословскаго, ни философскаго, ни историко-археологическаго, ни церковно-археологическаго музея». Признавая справедливость этого факта, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что никакъ не косность и замкнутость академіи тому причиною, какъ невольно можетъ подуматъ читатель по тону сѣтованій нашего автора, а единственно ея отдаленное отъ столицы положеніе. Никакое ученое общество не можетъ существовать безъ членовъ, а на какихъ сотрудниковъ можетъ въ этомъ случаѣ разсчитывать академія, когда даже на годичномъ академическомъ праздникѣ мы рѣдко видимъ одного или двухъ представителей того самаго круга бывшихъ воспитанниковъ академіи, ученаго Московскаго духовенства, которое, по словамъ автора, «опытомъ дознало важность взаимнаго общенія и давно скучаетъ разобщеннымъ положеніемъ своей академіи?» Волей-неволей академическимъ дѣателямъ приходится работать одною своею корпораціей; но не имѣя возможности привлечь къ себѣ московскихъ сотрудниковъ и при себѣ образовать какія-либо ученые общества, академія никогда не чуждалась общенія съ тѣми московскими учеными и просвѣтительными учреждениями, задачи и дѣятельность которыхъ имѣютъ соприспособленіе съ ея наукой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить то близкое участіе, какое принималъ недавно почившій проф. Мансметовъ въ дѣятельности Московскаго археологическаго общества. На обычныхъ собраніяхъ общества московскіе ученые очень часто видѣли этого академическаго профессора въ качествѣ референта; много лѣтъ онъ съ честію носилъ званіе секретаря общества и грудился надъ его изданіями. Примѣръ этотъ далеко не единственный. Открылось въ Москвѣ противу-раскольническое братство св. Петра митро-

полита и однимъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ дѣятелей въ немъ является профъ Субботинъ—секретарь братства и редакторъ его изданія. Существуетъ тамъ Общество любителей духовнаго просвѣщенія и на годичныхъ собраніяхъ его авторъ много разъ могъ бы слышать ученыхъ рѣчи тѣхъ же профессоровъ Московской академіи: П. Соколова, нынѣ епископа Чебоксарскаго, В. Соколова, Корсунскаго и Лебедева, состоящихъ дѣйствительными членами этого Общества. Московскія ученые общества, очевидно, не считаютъ академію законною средой и охотно пользуются ея содѣйствіемъ.

Принимая, по возможности, участіе въ трудахъ московскихъ ученыхъ обществъ, Московская академія и какъ отдѣльная корпорація совсѣмъ не являетъ собою того печальнаго зрѣлища, какимъ изображаетъ ее авторъ. Чтобы убѣдить въ этомъ читателей, вводимыхъ въ заблужденіе нашимъ авторомъ, мы просимъ позволенія на всѣ его дальнѣйшія сѣтованія отвѣчать только фактами, заранѣе извиняясь въ этой вынужденной нескромности.

Нашъ обличитель заявляетъ, что академія «никогда не ходатайствовала объ отправленіи своихъ кандидатовъ за границу, не цѣня того плодотворнаго значенія, какое можетъ имѣть заграничное пребываніе для питомцевъ академіи». — По дѣйствовавшимъ прежде Высочайше утвержденнымъ академическимъ уставамъ, въ академіи не полагалось совсѣмъ, какъ въ университетахъ, стипендіатовъ для приготовленія къ каедрамъ, а потому отсутствіе систематическихъ командировокъ за границу было явленіемъ свойственнымъ всѣмъ духовнымъ академіямъ и не было слѣдствіемъ отдаленнаго и замкнутаго положенія академіи Московской, которая будто бы «не цѣнила плодотворнаго значенія» такихъ командировъ. Можно напротивъ доказать, что и она цѣнила ихъ значеніе, такъ какъ предъ выработкою послѣдняго академическаго устава, когда отъ академій требовали мнѣнія о потребныхъ реформахъ, она заявляла о необходимости учрежденія профессорскихъ стипендіатовъ и командировки ихъ, въ случаѣ надобности, за границу. По нынѣ дѣйствующему уставу 1884 года стипендіаты ежегодно оставляются при академіи для приготовленія къ каедрамъ и не далѣе какъ въ минувшемъ учебномъ году одинъ изъ такихъ стипендіатовъ, П. Соколовъ, большую часть года провелъ за границу, слушая философскіе курсы въ Берлинѣ и Лейпцигѣ, послѣ чего и занялъ въ академіи каедрю психологіи. И въ прежнее время командировки за границу не были явленіемъ неслыханнымъ. Пр. Воскресенскій, прежде занятія каедрю, по ходатайству академіи былъ командированъ для занятій сперва при Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ, въ 1873—75 гг., полтора года провелъ въ Прагѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Проф. Е. Голубинскій въ 1872—74 гг. полтора года провелъ въ командировкѣ въ славянскихъ земляхъ, Константинополѣ, Греціи и Палестинѣ. Проф. Касицынъ въ 1875—76 гг. былъ командированъ на годъ и два мѣсяца въ Германію и Италію. Проф. Цвѣтковъ въ 1878—79 гг. провелъ въ командировкѣ одинъ годъ и два мѣсяца въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Римѣ. Нужно еще къ этому прибавить предпринимавшіяся иногда на частныя средства поѣздки профессоровъ за границу, совершавшіяся лишь въ предѣлахъ ваканціоннаго времени, какъ напр. поѣздка въ Палестину проф. Муретова въ 1888 г. и поѣздка въ западную Европу проф. В. Соколова и Бѣляева въ 1881 и 1889 гг. Даже и по поводу тѣхъ примѣровъ плодотворнаго вліянія заграничныхъ путешествій, которые авторъ приводитъ въ назиданіе академіи, яко бы не цѣнящей ихъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что одинъ изъ

указываемыхъ имъ дѣятелей, Н. К. Соколовъ, при своемъ пребываніи за границей въ 1861—63 гг., готовился именно къ тому, чтобы занять каедрю новой церковной исторіи въ Московской академіи. На академическія средства ему поручено было произвести за границу закупку значительнаго количества книгъ по исторіи западныхъ церквей, что и было имъ исполнено. Свои отчеты изъ за границы онъ прислалъ митрополиту Филарету и А. В. Горскому, съ октября 1862 года ректору академіи, а по возвращеніи занялъ академическую каедрю, на которой и оставался до 1867 года.

«Дѣятели академіи, продолжаетъ авторъ статьи, мало печатаютъ». — Нашъ обличитель, какъ просвѣщенный членъ Московскаго духовенства и, въ особенности, какъ человекъ, близко стоящій къ литературѣ, долженъ былъ бы, кажется, знать, что профессора и преподаватели Московской академіи, не говоря объ отдѣльныхъ изданіяхъ и случайныхъ работахъ въ «Трудахъ Московскаго археологическаго общества», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Странникѣ» и др., являются постоянными сотрудниками журналовъ «Творенія св. Отцовъ съ прибавленіями», «Братское Слово», «Православное Обзорніе», «Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», «Вѣра и разумъ», «Душеполезное Чтеніе», «Церковныя Вѣдомости, издаваемыя при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ» и «Московскія Церковныя Вѣдомости», изъ которыхъ первыя пять изданій въ дѣятельяхъ Московской академіи имѣютъ одну изъ своихъ главныхъ опоръ. Если сравнить въ этомъ отношеніи Московскую академію съ другими духовными академіями, или наличный составъ ея профессоровъ, по ихъ численности, съ университетомъ, то всякій долженъ признать, что, поддерживая своими трудами столько изданій, Московская академія имѣетъ полное право на внимательное и уважительное къ себѣ отношеніе. Если авторъ, въ своемъ обличительномъ увлеченіи, просмотрѣлъ въ духовной литературѣ явленіе, которое едва ли можетъ пройти незамѣтнымъ для всякаго, относящагося къ ней со вниманіемъ, то не мѣшало бы ему, по крайней мѣрѣ, какъ бывшему воспитанику академіи, произносящему свой судъ надъ ея дѣятельностію, взглянуть хотя разъ въ годъ въ ея годичные отчеты, гдѣ онъ нашелъ бы ежегодный списокъ печатаемыхъ профессорами трудовъ, въ которомъ одинъ перечень книгъ и статей занимаетъ обыкновенно отъ четырехъ до пяти страницъ.

«Ея дѣятели, продолжаетъ авторъ, никогда не читаютъ публичныхъ лекцій». — И въ этомъ случаѣ факты не подтверждаютъ его заявленія. Въ 1882 году въ залѣ Московской городской думы читаны были публичныя лекціи профессорами академіи В. Соколовымъ и Бѣляевымъ, напечатанныя послѣ особыми брошюрами отъ комиссіи народныхъ чтеній. Въ 1883 году тамъ же были читаны публичныя лекціи проф. Кипарисовымъ, напечатанныя послѣ въ «Православномъ Обзорніи». Въ текущемъ году прочтены публичныя лекціи проф. Бѣляевымъ въ залѣ Московской духовной семинаріи, печатающіяся въ настоящее время въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ».

Наконецъ, «дѣятели академіи, по словамъ автора, не участвуютъ въ общественныхъ предпріятіяхъ и торжествахъ». Если онъ разумѣетъ здѣсь торжественныя ученые собранія, то намъ остается только напомнить нашему строгому, но, очевидно, слабому памяти, обличителю цѣлый рядъ явленій, хорошо извѣстныхъ каждому. Пусть онъ вспомнитъ съездъ ориенталистовъ въ 1876 г. въ Петербургѣ и участіе въ немъ профессора Московской академіи Горскаго-Платонова. Пусть онъ вспомнитъ

археологическіе сѣзды, въ которыхъ профессора Московской академіи принимали участіе и личнымъ присутствіемъ и своими учеными рефератами, какъ напр.: проф. Казанскій—въ Москвѣ, Мансветовъ—въ Москвѣ и Тифлисѣ, Е. Голубинскій—въ Петербургѣ, Воскресенскій—въ Одессѣ, Бѣляевъ—въ Ярославлѣ. Почти все ихъ рефераты нашли себѣ послѣ мѣсто въ «Трудахъ» археологическихъ сѣздовъ. Пусть онъ припомнитъ сборъ архипастырей въ 1885 году въ Казани и противураскольнической миссіонерскій сѣздъ въ 1887 году въ Москвѣ при дѣятельномъ участіи въ обоихъ случаяхъ проф. Субботина. Пусть онъ припомнитъ торжественное празднованіе по случаю воспоминанія столѣтней годовщины дня рожденія митрополита Филарета, при чемъ ученныя рѣчи произносились профессорами Московской академіи Ан. Смирновымъ и Корсунскимъ, а изданный по этому поводу сборникъ почти весь былъ наполненъ трудами профессоровъ Московской академіи. Пусть онъ припомнитъ юбилей Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ 1888 г., и рѣчь на немъ проф. Корсунскаго. Пусть онъ припомнитъ торжественное празднованіе тысячелѣтія св. Меодія, просвѣтителя славянъ, въ 1885 г., и рѣчи на этомъ торжествѣ профессоровъ академіи Воскресенскаго и Корсунскаго. Даже народныя чтенія въ Москвѣ не обходятся безъ нѣкотораго содѣйствія Московской академіи. Профессоръ Д. Голубинскій ежегодно нѣсколько разъ принимаетъ на себя трудъ бесѣдовать съ народомъ въ Политехническомъ музеѣ и въ Смоленской читальнѣ.—Намъ слишкомъ долго пришлось бы перечислять тѣ торжества, имѣющія общественное значеніе, въ которыхъ принимала участіе Московская академія. Достаточно ли въ примѣра упомянуть юбилей высокаго общественного дѣятеля, какъ высокопр. митрополита Исидора, арх. Саввы, князя В. А. Долгорукова, графа М. В. Толстаго, протоіерея І. Н. Рождественскаго, или праздники учреждений, какъ юбилей археологическаго общества въ Петербургѣ, Кіевской духовной академіи, открытіе общегитій въ Виоанской и Московской духовныхъ семинаріяхъ и др. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ торжествахъ академія принимала участіе своими представителями, чтеніемъ привѣтственныхъ адресовъ или произнесеніемъ рѣчей.—Даже и къ запросамъ обыденной общественной жизни академія не остается глухою. Если ея дѣятелямъ не приходится выступать въ роли гласныхъ и членовъ разныхъ комиссій и комитетовъ въ Москвѣ, то не они, конечно, тому причиною. Что же касается Сергіевскаго посада, то здѣсь профессора академіи оказываютъ сильное вліяніе на доброе направленіе общественной жизни въ качествѣ и гласныхъ думы, и членовъ комиссій, Краснаго Креста, совѣтовъ городскихъ школъ и пріютовъ и съ честію стояли и стоятъ во главѣ городского управления въ лицѣ покойнаго Амфитеатрова и нынѣшняго головы Горскаго Платонова.

Какъ же, послѣ всего этого, назвать тѣ нареканія, какими нашъ авторъ такъ безцеремонно осыпаетъ Московскую академію? Мы еще разъ соглашаемся съ нимъ, что существованіе академіи въ посадѣ имѣетъ свои невыгодныя стороны; но превеличивать ихъ никакъ не слѣдуетъ. Можно сожалѣть, что академія находится не въ Москвѣ, можно употреблять все сильныя средства къ тому, чтобы если не перевести, то, по крайней мѣрѣ, связать ее поближе съ Москвою,—за все это и академія и общество вамъ будутъ благодарны, но унижать ея дѣйствительныя заслуги и дѣятельность, необдуманно клеветать на нее—это не благовидно.

Не слишкомъ ли горька будетъ та матеріальная помощь, объ

организациі которой для бывшихъ воспитанниковъ Московской академіи заботится авторъ статьи, если эта помощь сопровождается незаслуженными оскорбленіями тому учрежденію, репутація котораго, безъ сомнѣнія, близка сердцу его бывшихъ питомцевъ? Не подастъ ли онъ въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и камень?

Заклучимъ свою замѣтку искреннимъ пожеланіемъ, чтобы въ средѣ бывшихъ воспитанниковъ дорогой намъ Московской академіи какъ можно меньше находилось такихъ доброжелателей, которые готовы праздновать ея юбилей, но въ то же время считаютъ нравственно-возможнымъ, не подумавши, публично посягать на ея доброе имя.

В. Соколовъ.

ЮБИЛЕЙ НАСТАВНИКОВЪ СЕМИНАРІИ С. Д. РОЖДЕСТВЕНСКАГО И М. В. МОДЕСТОВА.

Въ отвѣтъ на рѣчь Н. И. Кедрова достопочтеннымъ юбиляромъ были сказаны слѣдующія слова: «Воспитанику Московской Семинаріи, мнѣ суждено было по окончаніи Академическаго курса поступить на службу въ ту же родную Семинарію и прослужить въ ней 25-ть лѣтъ. И слава Богу за все, что Онъ даровалъ мнѣ въ этой службѣ, за все отношенія ко мнѣ моихъ начальниковъ, товарищеслуживцевъ и учениковъ. При семъ не могу не вспомнить съ искреннею благодарностію о пріютившихъ меня и сдѣлавшихъ жизнь мою здѣсь въ самомъ началѣ отрадною—моихъ первыхъ сослуживцахъ, изъ которыхъ теперь остаются въ Семинаріи на службѣ только четверо—достопочтеннѣйшіе отецъ ректоръ Николай Васильевичъ, его помощникъ Алексѣй Ивановичъ, старѣйшіе преподаватели Тимофей Ивановичъ и Иванъ Егоровичъ. Съ искреннею благодарностію воспоминаю и о всѣхъ при мнѣ вступившихъ въ наше служебное общество и при мнѣ же оставившихъ его: и они все вносили въ жизнь мою извѣстную долю утѣшенія. Но особенно живое чувство благодарности съ моей стороны возбуждаетъ къ себѣ настоящее наше Семинарское общество. Нравственная сила его, сосредоточиваясь въ нашемъ дорогомъ отцѣ ректорѣ и обнаруживаясь во всѣхъ членахъ такъ крѣпко соединяетъ насъ въ родную семью, что жизнь каждаго сливается съ жизнью всего общества, раздѣляется всеми другими членами. Таково значеніе и настоящаго праздника, который достоцитимой корпораціи угодно было составить въ частности и для меня: значеніе его не во мнѣ, а въ живомъ крѣпкомъ союзѣ нашей семьи. Да процвѣтаетъ же на долго этотъ союзъ для блага его членовъ и Семинаріи. А я за тѣ блага, которыя онъ въ изобиліи давалъ мнѣ и даетъ въ настоящемъ случаѣ, приношу глубоко-уважаемой корпораціи мой сердечный благодарный низкій поклонъ.

Послѣ этихъ отвѣтныхъ словъ С. Д. Рождественскаго обратился къ обоимъ юбилярамъ съ слѣдующею рѣчью, одинъ изъ заслуженныхъ преподавателей П. В. Любимовъ.

Достоуважаемые и любезнѣйшіе юбиляры
Сергій Дмитріевичъ и Михаилъ Васильевичъ!

Сейчасъ мы слышали обращенныя къ вамъ рѣчи нашихъ сослуживцевъ и вашихъ бывшихъ учениковъ, рѣчи, въ которыхъ съ справедливою и безпристрастіемъ характеризовалась ваша педагогическая дѣятельность и опредѣлялись ваши заслуги Московской семинаріи; слышали и ваши, полныя скромности и достоинства, отвѣты на нихъ. Позвольте и мнѣ, какъ одному уже изъ старыхъ служака и вашихъ сослуживцевъ въ семинаріи, сказать свое слово и въ немъ сойти въ область интимнаго,

роснуться моихъ личныхъ къ вамъ отношеній. Надѣюсь, за дружескою юбилейною трапезою это не будетъ сочтено неумѣстнымъ.

Я старше васъ лѣтами и курсами ученія, но въ тоже время и какъ бы вашъ сверстникъ и сокуреникъ. Я узналъ васъ обоимъ еще съ учебной скамьи. Съ вами, Серг. Дмитр., мы одно время вмѣстѣ учились въ Московской семинаріи: я былъ въ высшемъ ея отдѣленіи, какъ тогда назывались классы, вы въ низшемъ. Въ то время было въ обычаѣ посылать нѣкоторыхъ учениковъ высшаго отдѣленія въ низшія въ замѣну отсутствовавшихъ наставниковъ: посылали иногда и меня. Помню, что въ 1-мъ низшемъ отдѣленіи мнѣ приходилось спрашивать и г. Сергѣя Рождественскаго; его отвѣты, помню, отличались всегда твердостью, опредѣленностью, основательностью и такими вообще качествами, какія и теперь, какъ и тогда, обозначаются балломъ 5. Вотъ начало нашего знакомства. Съ вами, Мих. Васил., я познакомился, по случаю вступленія одного изъ вашихъ старшихъ братьевъ въ наше родство, въ бытность вашу въ среднемъ отдѣленіи Виоанской семинаріи, а мою—на младшемъ курсѣ Московской академіи. Когда вы оба поступили въ академію студентами, я кончилъ уже въ ней курсъ... кончилъ, да не совсѣмъ: для благоуспѣшности окончанія у меня неоставало бездѣлицы... курсоваго сочиненія. Его не было, потому что отрывки мало обработанныхъ матеріаловъ, какіе оказались, нельзя назвать сочиненіемъ. Какъ и отъ чего это произошло, говорить теперь не время. Какъ бы то ни было, только благодаря этому обстоятельству я имѣлъ возможность ознакомиться и до нѣкоторой степени облизиться и съ вашимъ курсомъ (съ предшествовавшимъ вашему я уже былъ достаточно знакомъ и близокъ), и еще болѣе съ вами, юбиляры, съ которыми встрѣтился уже какъ старый знакомый, а съ Мих. Васильевичемъ и какъ родственникъ. По этому-то я и назвалъ себя какъ бы вашимъ сокуреникомъ. Не откладывая дѣла въ дальній ящикъ (продолжаю свое повѣданіе, быть можетъ мало кому интересное), я тогда рѣшился, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ ловить отъ меня уходящее, и, съ дозволенія, конечно, подлежащаго начальства, остался до назначенія на должность въ академіи. Я поселился съ сентября, или конца августа, въ отдѣльной комнатѣ при академической больницѣ и сталъ писать новое сочиненіе... Помню, что мой усиленный тогда, хотя и безсрочный, трудъ прерывался по временамъ посѣщеніемъ «курсовъ», ихъ праздничныхъ и артистическихъ собраній, на которыхъ я бывалъ въ качествѣ гостя и въ нѣкоторомъ родѣ почетнаго. Это было мнѣ развлеченіемъ при однообразіи моей тогдашней жизни и почти затворничествѣ. Мих. Васильевичъ посѣщалъ меня въ моемъ уединеніи, дѣлилъ со мною свой досугъ и даже трудъ, когда я оканчивалъ свое сочиненіе, онъ началъ его переписывать и, помнится, переписалъ все ко времени назначенія моего на должность и выѣзда изъ академіи, въ декабрь 1860 года. Благодарю васъ еще разъ нынѣ, добрыйшій Мих. Васильевичъ, за это сдѣланное мнѣ тогда вами одолженіе.

Я былъ опредѣленъ на службу въ Рязанскую семинарію и черезъ два года переведенъ въ Московскую. Здѣсь мы трое по времени опять сошлись уже на службѣ.

Вы, Серг. Дмитр., при мнѣ поступили, по окончаніи академическаго курса, въ Московскую семинарію. Мы встрѣтились какъ люди уже близкіе другъ къ другу, какъ пріятели. Вы помѣстились тогда въ близкомъ со мною сосѣдствѣ, занявъ, по должности, одну изъ тогдашнихъ субъ-инспекторскихъ квартиръ, а я жилъ въ домѣ, гдѣ мы теперь находимся, внизу. Мы жили

по сосѣдски: вы бывали у меня, я у васъ и, помнится, Сергѣй Дмитриевичъ тогда щедрѣе дѣлилъ съ нами и досужныя развлеченія... И теперь мы уже давно съ вами ближайшіе сосѣди, хотя живемъ въ другихъ квартирахъ и на другомъ дворѣ. Пословица говоритъ: «не купи села, а купи сосѣда». По тѣмъ деликатнымъ, въ лучшемъ значеніи слова, сосѣдскимъ отношеніямъ т. е. самымъ добрымъ и, такъ сказать, предупредительно радушнымъ, какія между нами установились и остаются столько уже лѣтъ неизмѣнными, я въ лицѣ вашемъ, достоуважаемый Серг. Дмитр., приобрѣлъ и имѣю въ семинаріи не только добраго сослуживца, радушнѣйшаго товарища, но и неизмѣнно добраго сосѣда. Последнее обстоятельство быть можетъ покажется не такъ важнымъ, чтобы стоило о немъ много говорить; но, по моему, и оно значительно, если принять во вниманіе, что и на этомъ полѣ, къ сожалѣнію, нерѣдко сталкиваются люди и ихъ интересы; а устраненіе самой возможности столкновеній зависитъ отъ деликатности сосѣда. Хорошій человекъ виденъ во всемъ, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ другимъ, и во всемъ остается себѣ вѣренъ. Это вы хорошій человекъ, мой неизмѣнно добрый сосѣдъ, мною искренно любимый и уважаемый Сергѣй Дмитриевичъ!

Обращаюсь опять къ вамъ, Мих. Васильевичъ. Вы, по выходѣ изъ академіи, поступили на службу въ ту же губернію, въ которой и я началъ свою. Во время своихъ пріѣздовъ въ Москву вы не забывали навѣстить и меня; и бывали для хозяина желаннымъ гостемъ. Помнится, во время этихъ посѣщеній вы не разъ высказывали желаніе перейти на службу въ Московскую семинарію; я, конечно, раздѣлялъ это ваше желаніе, вполне ему сочувствовалъ, но чѣмъ-либо содѣйствовать его осуществленію я не могъ; да признаюсь, оно представлялось мнѣ тогда нѣсколько страшнымъ по своей, казавшейся, несбыточности при тогдашнихъ условіяхъ нашей службы, замѣщенной и перемѣщенной... Впоследствии, при измѣнившемся режимѣ, вы сами на конкурсъ, можно сказать, съ бою и блистательно взяли свое право служить въ столичной семинаріи. Едва ли кто либо въ то время былъ болѣе меня радъ вашему вступленію въ наше общество. Съ тѣхъ поръ наши связи росли и крѣпли. Помню, вы не разъ и не два, въ случаяхъ сомнѣнія, какихъ-либо затрудненій, обращались ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, дѣлились со мною вашимъ горемъ и радостью. Надѣюсь, не было повода когда-либо вамъ пожалѣть объ этомъ. Гакъ-то, искренно мною любимый и уважаемый Михаилъ Васильевичъ, наши взаимныя отношенія. Найдите имъ названіе.

Дорогіе юбиляры!

Своимъ вступленіемъ къ семидесятипятилѣтію Московской семинаріи въ число ея юбиляровъ, состоящихъ на службѣ, вы исполнили это число и возвысили его до седмичія. Фактъ замѣчательный и едва ли, гдѣ-либо бывший въ подобномъ нашему учебномъ заведеніи... Не свидѣтельствуетъ ли онъ нѣкоторымъ образомъ о достоинствѣ заведенія и о качествѣ служащихъ въ немъ?

Въ виду сейчасъ высказаннаго соображенія и по братской любви да позволено будетъ мнѣ на здравицѣ, которою обыкновенно оканчиваются застольныя юбилейныя рѣчи, расширить юбиларный районъ и даже выйти изъ предѣловъ указаннаго седмичія,—раздѣлить, такъ сказать, трапезу на всѣхъ здѣсь присутствующихъ и благословною виною, какъ гдѣ-то сказано, отсутствующихъ нашихъ достоуважаемыхъ сослуживцевъ. Позвольте же пожелать многолѣтняго здравія вмѣстѣ съ виновниками настоящаго торжества и ихъ предшественникамъ, начиная

съ старѣйшаго между нами по лѣтамъ, бывшаго нашего сослуживца, открывшаго собою эпоху личныхъ юбилеевъ въ Московской семинаріи, — и слѣдующимъ за ними, виновниками торжества, кандидатамъ въ юбиляры, начиная со старшихъ и кончая самымъ младшимъ членомъ въ нашей корпораціи. Каждый изъ нихъ, какъ показываетъ опытъ немалочисленныхъ предшественниковъ, можетъ на своемъ педагогическомъ пути, въ свою очередь, достигнуть этого дня — не окончанія, какъ было еще въ недавнемъ прошломъ, а, такъ сказать, преполовенія лѣтъ не мало трудной, но и не мало почетной службы наставника семинаріи.

Пожелаемъ всемъ вождѣннаго здравія, — полного успѣха во всѣхъ дѣлахъ и начинаняхъ, служебныхъ и неслужебныхъ, — благополучія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, общественной и частной, семейной; пожелаемъ всемъ ровности духа и душевнаго спокойствія *). Одно, другое и третье между собою въ тѣсной связи и взаимно условливаются. Я это ошутительно испытывалъ и испытываю на себѣ самомъ... Извините за отступление въ которомъ говорю о себѣ: оно невольно сорвалось съ языка, по пословицѣ: «У кого что болитъ, тотъ про то и говорить».

Всемъ юбилярамъ Московской семинаріи: уже праздновавшимъ свое двадцатипятилѣтіе, нынѣ празднующимъ и имѣющимъ праздновать «многая, многая, многая лѣта»!

Кромѣ того сказано было нѣсколько теплыхъ словъ обимъ юбилярамъ преподавателями: В. Θ. Комаровымъ, Н. П. Розоновымъ и бывшимъ преподавателемъ, С. Д. Писаревымъ.

Послѣ того, какъ ректоромъ провозглашенъ былъ тостъ за втораго юбиляра М. В. Модестова преподавателемъ Н. А. Любимовымъ были сказаны слѣдующія слова:

Глубокоуважаемый Михаилъ Васильевичъ!

Сегодня собрались мы здѣсь, за этой дружеской трапезой, чтобы выразить, — какъ досточтимому сотоварищу вашему Сергію Дмитріевичу, — такъ и вамъ чувства глубокаго уваженія къ вашему двадцатипятилѣтнему труду сначала въ должности начальника духовнаго училища; а потомъ — и большею частію — въ болѣе смиренномъ званіи наставника семинаріи.

Не имѣя возможности, хоть сколько нибудь, судить о вашей ранѣйшей службѣ въ должности смотрителя иноепархіальнаго дух. училища, я за то съ полнымъ правомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ могу неложно свидѣтельствовать о вашемъ осьмнадцатилѣтнемъ полезномъ преподавательскомъ трудѣ въ нашей семинаріи, — съ полнымъ правомъ, ибо я не только въ настоящемъ вашъ сослуживецъ, но и въ прошломъ — одинъ изъ первыхъ вашихъ учениковъ въ здѣшней семинаріи, — съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо я теперь одинъ изъ самыхъ усердныхъ и искреннихъ вашихъ почитателей.

Цѣлые 18 лѣтъ вы состоите преподавателемъ латинскаго языка. — Основательное изученіе классическихъ языковъ въ дѣлѣ общаго духовнаго развитія воспитанниковъ семинаріи несомнѣнно должно занимать далеко не послѣднее мѣсто. Напротивъ общеобразовательное значеніе классическихъ языковъ нигдѣ не можетъ имѣть такого прямого и обширнаго приложенія, какъ въ духовномъ воспитаніи. Вліяніемъ древнихъ языковъ и ихъ литературы обусловливается въ дѣлѣ воспитанія усиленное и правильное развитіе духовныхъ силъ ученика вообще и дара слова въ частности. — Тщательный, по возможности близкій къ подлиннику переводъ произведеній классической литературы, соединенный съ обстоятельнымъ грамматическимъ и логическимъ разборомъ читаемаго, преодоленіе различныхъ трудностей при воз-

можно точной передачѣ мысли подлинника, по слову Синодской программы, пріобрѣтаетъ для учащихся характеръ умственной гимнастики, столь благодѣтельной для ихъ духовнаго развитія. Неизбѣжное при чтеніи классическихъ авторовъ уясненіе не только особенностей языка, но и многостороннихъ особенностей жизни древнеклассическаго міра, его религіознаго міросозерпанія увеличиваетъ сумму ихъ историческихъ познаній. А знакомство учащихся съ гениальными идеями и съ художественной формой ихъ выраженія въ произведеніяхъ лучшихъ представителей классической прозы и поэзіи, расширяя вообще умственный кругозоръ учащихся, несомнѣнно также полезно для ихъ духовнаго развитія, какъ и изученіе лучшихъ произведеній литературы отечественной — русской. Наконецъ — писанія отцевъ и учителей церкви считаются однимъ изъ главныхъ источниковъ къ раскрытію и уясненію нашего христіанскаго вѣроученія, а они всѣ писаны на греческомъ или латинскомъ языкѣ.

Вотъ почему всякій нелѣпный преподаватель одного изъ классическихъ языковъ въ правѣ сказать, что и онъ дѣлаетъ не маловажное дѣло въ общемъ духовномъ развитіи питомцевъ семинаріи, что и онъ вноситъ разумнымъ и толковымъ преподаваніемъ своего предмета не малую лепту въ сокровищницу знаній, пріобрѣтаемыхъ воспитанниками въ духовной школѣ.

Но съ другой стороны, помимо сознанія важности и значенія своего предмета, всякій преподаватель классическаго языка несомнѣнно проникается еще убѣжденіемъ въ особенной трудности своего дѣла. Не даромъ классическіе языки называются мертвыми. Даже самые лучшіе знатоки этихъ мертвыхъ языковъ, свидѣтельствуютъ и свидѣтельствуютъ неложно, что никакое основательное изученіе ихъ не можетъ сдѣлать ихъ живыми, т. е. никогда не можетъ дойти до совершеннаго и полнаго ихъ усвоенія, и требуетъ постояннаго труда, постояннаго совершенствованія въ знаніи.

Во всему этому присоединяются еще и другія обстоятельства, затрудняющія дѣло преподаванія классическаго языка. Это въ настоящее время, къ сожалѣнію, часто встрѣчающійся между воспитанниками (и, какъ выше доказано, совершенно неосновательный) взглядъ на изученіе классическихъ языковъ, какъ на дѣло маловажное въ курсѣ богословскаго образованія, какъ на предметъ второстепенный. А отсюда естественно проистекаетъ отсутствіе живаго усердія и должной ревности къ самостоятельному изученію языка. Наставнику приходится быть особенно настойчивымъ въ своихъ требованіяхъ, часто прибѣгать къ мѣрамъ взыскація, такъ сказать — постоянно подстегивать учащихся, чтобы достигнуть, хотя сколько нибудь, хорошихъ результатовъ.

Таково дѣло, надъ которымъ вы, Михаилъ Васильевичъ, неустанно работали и работаете въ теченіе цѣлыхъ 18 лѣтъ. — И вотъ, мы, ваши первые ученики, — свидѣтели вашихъ первыхъ шаговъ на пути изученія и преподаванія латинскаго языка, можемъ неопинаясь свидѣтельствовать, что съ самыхъ первыхъ уроковъ своихъ вы обнаружили уже весьма основательное знакомство съ языкомъ, послѣ же, — и въ самомъ непродолжительномъ времени: въ теченіе какихъ нибудь двухъ-трехъ лѣтъ, неустаннымъ трудомъ вы достигли значительнаго совершенства въ знаніи своего предмета, такъ сказать, — овладѣли имъ вполне. Но — къ великой чести вашей — нужно сказать, что вы и теперь не ослабѣваете въ изученіи своего излюбленнаго латинскаго языка. И теперь, какъ и прежде, вы считаете своею непрѣменною обязанностію тщательно подготавливаться къ каждому своему уроку. Въ основѣ такого ревностнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу лежитъ глубокое и основательное убѣжденіе ваше

съ одной стороны въ великой важности, а съ другой и въ не- малой трудности своего предмета. Я имѣю основаніе утверждать, что ничто такъ не могло и не можетъ васъ обидѣть, какъ отзы- вывъ о сравнительной маловажности или легкости изученія ла- тинскаго языка. А это несомнѣнно доказываетъ, что сами вы всей душой преданы своему языку, такъ сказать — увлечены имъ. Такая всецѣлая преданность, такое увлеченіе своимъ дѣ- ломъ—дорогое качество въ наставникѣ, и ему самому помогаю- щее преодолевать всѣ трудности въ веденіи своего дѣла, и учениковъ его побуждающее къ преподаваемому имъ предмету относиться съ должною серьезностію и внимательностію.

Дай Богъ, чтобы ваша ревность въ усвоеніи излюбленнаго вами языка питомцамъ семинаріи и на будущее время сопровож- далась такими же успѣхами, какъ и въ прошломъ!

До сихъ поръ я говорилъ, какъ бывший вашъ ученикъ—по- тѣмъ уже сравнительно далекимъ впечатлѣніямъ, которыя оста- лись впрочемъ живыми и до сихъ поръ въ моей душѣ отъ времени моего семинарскаго обученія между прочимъ и подъ вашимъ руководствомъ. Теперь позволю себѣ сказать еще нѣско- лько словъ на основаніи позднѣйшихъ впечатлѣній, вынесен- ныхъ мною изъ пятилѣтняго близкаго знакомства съ вами, какъ съ сослуживцемъ. Всегда присущая вамъ скромность, необыкновенная деликатность въ товарищескихъ отношеніяхъ, мягкость характера рисуютъ вашъ образъ необыкновенно симпатичными чертами въ глазахъ всей нашей корпораціи. Я думаю, между нами не только не найдется ни одного человѣка, вами обижен- наго, но и ни одному изъ насъ не припомнится ни одного такого случая, когда бы вы выказали кому либо изъ своихъ товарищей по службѣ чувства нерасположенія или непріязни. А между тѣмъ едва ли всѣ изъ насъ (и прежде всего я самъ) могутъ съ совершенно спокойною совѣстію сказать, что и мы всегда платили вамъ тою же монетою.

Примите же въ настоящій день, добрый наставникъ, и отъ меня лично, какъ отъ бывшаго вашего ученика, признательное поздравленіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ вашей пре- подавательской службы съ искреннимъ пожеланіемъ вамъ и впредь долго и бодро идти по избранной вами дорогѣ. Примите, добрый товарищъ, и отъ всѣхъ насъ здѣсь собравшихся сослу- живцевъ вашихъ сердечный привѣтъ съ пожеланіемъ долгихъ лѣтъ и счастливой жизни вамъ и вашему семейству.

Въ отвѣтъ на рѣчь г. Любимова М. В. Модестовъ сказалъ:

Досточтимый о. ректоръ и глубоко ува- жаемые товарищи—сослуживцы!

Приношу вамъ глубокую благодарность за выраженныя сей- часъ чувства и лестный взглядъ на мой личный характеръ, мои товарищескія отношенія и особенно на значеніе предмета моего преподаванія въ системѣ образованія и мою педагогическую дѣ- ятельность,—приношу благодарность всѣмъ вамъ, въ увѣрен- ности, что эти чувства и этотъ взглядъ раздѣляется всѣми вами.—Всѣ мы служимъ одной цѣли,—одному дѣлу образованія юношества. Если предметъ мой имѣетъ важное значеніе въ си- стемѣ образованія, если мое дѣло приноситъ извѣстную долю пользы общему дѣлу образованія, то я небезполезный членъ корпораціи и учрежденія, которымъ я принадлежу. Это сознаніе, проливая свѣтъ на будущее, можетъ облегчать дальнѣйшую дѣятельность на избранномъ мною педагогическомъ поприщѣ.

Затѣмъ позвольте выразить вамъ особенную признательность за великую честь, какой вы удостоили меня съ товарищемъ С. Д. устроеніемъ нынѣшняго юбилейнаго праздника. Повѣрьте,

нынѣшній день останется навсегда самымъ свѣтлымъ воспоми- наніемъ въ жизни моей. Видя вокругъ себя васъ, соединив- шихся въ одномъ чувствѣ, какъ одинъ человѣкъ, и слыша изъ устъ вашихъ выраженія искреннаго расположенія и сочувствія къ себѣ, я полнѣе и яснѣе, чѣмъ когда нибудь, сознаю теперь, что я не одинъ воинъ въ полѣ, а вашъ соратникъ,—не мерт- вый, а живой членъ любвеобильной семьи, что въ лицѣ своей корпораціи имѣю я и отца и братьевъ, всегда близкихъ мнѣ своимъ сердцемъ, всегда готовыхъ предотвратить всякое огор- ченіе и помочь въ нуждѣ.

Сознавая объединяющее значеніе для насъ нынѣшняго юби- лейнаго праздника и искренно желая нерушимой крѣпости нашему братскому единодушію и общенію, прошу принять тостъ за проч- ность нашего товарищескаго союза.

На имя Сергія Дмитріевича была получена изъ Сергіева Посада такая телеграмма:

Достоуважаемый Сергіѣй Дмитріевичъ!

Примите отъ бывшихъ учениковъ своихъ поздравленіе со днемъ двадцати-пяти-лѣтняго юбилея службы вашей. Вѣрьте, что лю- бовь и уваженіе къ вамъ никогда неизгладятся изъ нашихъ сердець. Да продлитъ Господь служеніе ваше на многія лѣта!

ПОДНЕСЕНІЕ НАПЕРСНАГО КРЕСТА НАСТОЯТЕЛЮ ХРАМА.

Въ Воскресенье 19 ноября прихожане Московской Троицкой, въ Лужникахъ, церкви чествовали своего настоятеля о. Алексѣя Сергіевича Воскресенскаго поднесеніемъ ему драгоцѣннаго креста. Троицкая, въ Лужникахъ, церковь извѣстна очень многимъ мо- сквичамъ: въ ней бываетъ постоянное и притомъ изустное про- повѣданіе слова Божія, всенародное пѣніе, виѣбогослужбныя собесѣдованія, благолѣпное и благочинное совершеніе богослу- женія и во всѣхъ вообще отношеніяхъ Троицкая церковь отли- чается примѣрнымъ порядкомъ, за что она и пользуется большою извѣстностію въ Москвѣ и любовью москвичей*). Всѣми своими особенностями она обязана своему настоятелю Алексѣю Сергіе- вичу Воскресенскому, который въ теченіи почти 17 лѣтъ не- усыпно трудится надъ устроеніемъ церкви и прихода. За эти труды его прихожане и поднесли ему 19-го ноября съ разрѣ- шенія владыки Іоаннікія крестъ, украшенный брилліантами и стоющій болѣе тысячи рублей.

Въ день торжества около 10-ти часовъ ударили къ поздней литургіи, которую совершалъ старѣйшій въ Москвѣ протоіерей о. І. Н. Рождественскій въ сослуженіи съ протоіереями При- клонскимъ и Воронцовымъ, о. духовникомъ Пятницкаго благо- чинія свящ. П. Н. Сахаровымъ и настоятелемъ Троице-Луж- нецкой церкви, при соборномъ діаконовъ Росляковъ и хорѣ пѣв- чихъ. Нѣкоторыя пѣнопѣнія литургіи пропѣты были всѣмъ народомъ. вмѣсто причастнаго стиха священникомъ Николаевской, въ Кузнецкой, церкви Е. В. Кременскимъ произнесено было слово на текстъ: «молимъ вы братіе знайте труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ и вразумляющихъ васъ и имѣйте ихъ по презлиху въ любви за дѣло ихъ» (1 Сол. 5, 12—13). По окончаніи литургіи соборъ пастырей вышелъ на средину церкви. О. духовникъ священникъ П. Н. Сахаровъ прочелъ съ амвона указъ Московской Духовной Консисторіи о разрѣшеніи прихожанамъ Троицкой, въ Лужникахъ, церкви под-

*) У мѣстнаго священника имѣется много писемъ съ разныхъ кон- цовъ Москвы съ выраженіями благодарности за проповѣди, общее пѣніе и проч. особенности Троицкой церкви.

нести своему настоятелю крестъ. Отсюда же, съ амвона, одинъ прихожанинъ прочелъ о. Алексію адресъ, въ которомъ указалъ достолюбезныя качества его, и просилъ принять приготовленный для него крестъ. Послѣ адреса привѣтствовалъ виновника торжества рѣчью о. духовникъ, указавъ на его выдающуюся проповѣдническую дѣятельность и на важность проповѣди вообще.

На адресъ и рѣчь виновникъ торжества отвѣчалъ рѣчью, въ которой благодарилъ прихожанъ за выражаемую ими любовь къ нему и указалъ на то, что если онъ и сдѣлалъ что хорошаго для церкви и прихожанъ, то лишь при помощи Божіей, судей ствiи прихожанъ и по сознанию своего долга. Затѣмъ, маститый протоіерей І. Н. Рождественскій съ краткимъ благожеланіемъ возложилъ на о. Алексія крестъ и началъ благодарственное Господу Богу молебствіе, которое совершено было при большомъ собраніи іереевъ и діаконовъ. Послѣ молебна приглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду и митрополиту Іоанниію, настоятелю храма, ититоры и всѣмъ прихожанамъ. Давая молившимся въ храмѣ цѣловать крестъ, достопочтенный о. Алексій получалъ много поздравленій. Видны были единодушіе и радость прихожанъ давно уже желавшихъ почтить своего пастыря.

Послѣ литургіи въ домѣ старосты предложена была трапеза духовенству, прихожанамъ и многимъ другимъ почитателямъ о. Алексія. Выраженій всеобщей любви и признательности къ нему здѣсь не было конца *). Дай Богъ, чтобы подобный духъ благочестія, любви и братскаго общенія процвѣталъ и усиливался вездѣ!

Доброе дѣло чествованія пастыря ознаменовалось и другимъ добрымъ дѣломъ. Маститый о. І. Н. Рождественскій напомнилъ гостямъ о бѣдственномъ положеніи Черногорцевъ, для которыхъ было бы счастьемъ воспользоваться крупницами предложенной трапезы и тутъ же щедрою рукою посыпались пожертвованія въ пользу голодающихъ братьевъ. Собранная сумма передана о. настоятелю для препровожденія куда слѣдуетъ.

ПОУЧЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ЧЕСТВОВАНІЯ НАСТОЯТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ТРОИЦКОЙ, ВЪ ЛУЖНИКАХЪ ЦЕРКВИ СВЯЩЕННИКА О. АЛЕКСІЯ СЕРГѢЕВИЧА ВОСКРЕСЕНСКАГО.

Молимъ вы, братіе, знайте труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господь и вразумляющихъ васъ и имѣйте ихъ по презлиха въ любви за дѣло ихъ (1 Сол. 5, 12—13).

Св. апостолъ Павелъ заповѣдуетъ христіанамъ любить и уважать своихъ пастырей за дѣло ихъ.

Дѣйствительно, обязанности пастыря церкви такъ высоки и такъ многосложны, что заповѣдь апостола должна быть въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей христіанина, и, если когда, то въ настоящее время должна быть въ особенности воспоминаема.

Назначеніе и призваніе пастыря церкви состоитъ вообще въ томъ, что бы подъ страхомъ собственнаго осужденія отъ Бога, отпустить своихъ пасомыхъ изъ этой жизни истинными христіанами и ввести ихъ, такимъ образомъ, въ царство небесное.

Для достиженія этой цѣли отъ пастыря требуется прежде всего, что бы онъ имѣлъ ревность и усердіе одновременно и

*) Здѣсь, у старосты, поднесенъ былъ о. Алексію альбомъ и въ немъ два выигранныхъ билета.

безвременно наставлять своихъ пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестіи. Безъ вѣры и добрыхъ дѣлъ спастись невозможно. Пастырь же церкви отвѣчаетъ за душу каждаго изъ своихъ пасомыхъ и тѣмъ сильнѣе чувствуетъ необходимость ученія вѣрѣ и благочестію, что сами пасомые объ этомъ не всегда и не всѣ заботятся. Конечно, такую высокую обязанность нельзя исполнять кое-какъ, съ нерадѣніемъ и легко. Надобно, чтобы учительное слово пастыря было живо и дѣйствительно. А для этого добрый пастырь постоянно долженъ всматриваться во всѣ житейскія отношенія и вмѣстѣ съ этимъ воспитывать и образовывать себя въ дѣлѣ учительства, все взвѣсивая и все обдумывая, изучая неусыпно слово Божіе и творенія св. отецъ и повѣряя ими обыденную жизнь и людскія отношенія. А все это требуетъ не малаго труда, особенно, если принять во вниманіе, что у священника, кромѣ учительства, много и другихъ дѣлъ служебныхъ и семейныхъ. Часто это учительство бываетъ выше силъ человѣка и пастырю для успѣха своего дѣла приходится нерѣдко, бросивши всѣ дѣла, обращаться съ теплою молитвою къ Богу, чтобы Онъ умудрилъ его въ словѣ Божіемъ и св. отцахъ, подалъ ему мужество и разумъ обличить грѣшныхъ и не правыхъ, утѣшить слабыхъ и немощныхъ. Все это, братіе, не видно никому, но бываетъ такъ несомнѣнно.

Для приведенія своихъ пасомыхъ ко Христу пастырю дается право совершать священнодѣйствія и низводить на своихъ пасомыхъ благодатныя дары св. Духа. И онъ молится предъ престоломъ Божіимъ за всѣхъ своихъ пасомыхъ—о прощеніи грѣховъ ихъ, объ исправленіи согрѣшающихъ, объ утѣшеніи скорбящихъ, гонимыхъ, отчаянныхъ. Но получивъ право священнодѣйствовать, добрый пастырь помнитъ грозное предостереженіе: проклятъ человѣкъ творя дѣло Божіе съ небреженіемъ (Іер. 48, 10). Живущему въ мірѣ, среди суеты мірской какая страшная опасность грозитъ, бр., пастырю! Поэтому, онъ удаляется суеты мірской и занятій позволительныхъ мірянамъ, что бы воспитать въ себѣ нужное благочестіе; готовясь къ божественной службѣ, добрый пастырь воздерживается отъ пищи и питія и даже невинныхъ разговоровъ. Но и при тщательномъ даже приготовленіи къ священнодѣйствію онъ не можетъ всетаки, быть спокойнымъ душею въ виду страшной угрозы проклятія.

Наконецъ, что бы исполнить свое назначеніе, пастырь церкви, по ученію апостола Павла, долженъ быть *всѣмъ вся*: онъ долженъ раздѣлять радость радующагося, печаль опечаленнаго, подать совѣтъ недоумѣвающему, указать путь ко спасенію каждому.

Не распространяемся уже объ обязанностяхъ пастыря церкви, какъ лица должностнаго, служащаго въ отношеніи къ подчиненнымъ и начальству свѣтскому и духовному.

Такъ, братія, высоки и многосложны обязанности пастыря церкви. Поэтому-то ап. Павелъ и говоритъ: знайте труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господь и вразумляющихъ васъ и имѣйте ихъ по презлиха въ любви за дѣло ихъ. Подобнымъ же образомъ рассуждаетъ и св. Іоаннъ Златоустъ—«будемъ Бога бояться и уважать Его священниковъ, говоритъ онъ, дабы и за свои добрыя дѣла и за уваженіе къ нимъ, получить отъ Бога великую награду» (86 бесѣда на Ев. отъ Матѣ.).

Къ сожалѣнію, бр., трудно бываетъ доброму пастырю пріобрѣсти благоволеніе пасомыхъ. Пастырь церкви поставляется вести борьбу противъ міра, а между тѣмъ пасомые его живутъ въ мірѣ и часто дѣйствуютъ по духу его. Міръ, вѣдь, распялъ Спасителя, а пастырь по своей должности есть преемникъ Христовъ. Міръ не любитъ слова обличенія, такъ какъ оно

уязвляетъ его самолюбіе; не любитъ онъ и слова назиданія, считая его, по крайней мѣрѣ, излишнимъ, онъ не любитъ продолжительныхъ Богослуженій, такъ какъ оно обременяетъ тѣло и отрываетъ отъ мірскихъ занятій; прямоту и честность пастыря онъ называетъ грубостію, уединеніе, вызываемое необходимостію приготовленія къ Богослуженію и удаленіе отъ забавъ, свойственныхъ мірянамъ, приписываетъ гордости и неразвитости... Трудно служителю Бога ужиться со вкусами міра сего.

Здѣсь, гдѣ мы имѣемъ нынѣ честь бесѣдовать, слово Божіе проповѣдуется постоянно, воля Божія возвышается всѣмъ смѣло и рѣшительно, богослуженіе отправляется благолѣпно и истово, изученіе вѣры производится усиленно и такъ сказать всенародно чрезъ общее пѣніе, благотворительность открыта правильная и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, слава этого храма и любовь къ нему простираются далеко отъ него. Кто же надъ всѣмъ этимъ трудится и кому обязанъ этотъ храмъ такою славой и любовью? Настоятелю его и доброму пастырю Алексѣю Сергѣевичу Воскресенскому.

Кому въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстна проповѣдническая дѣятельность о. Алексѣя? Кому не извѣстны его прямота и искренность, любовь къ порядку и благочинію? Кому обязано недавнее возникновеніе попечительства при этомъ храмѣ? Кто не знаетъ опытности и мудрости о. Алексѣя въ дѣлахъ духовныхъ и житейскихъ? Свидѣтельствую обо всемъ этомъ самъ, какъ самъ пользовавшійся его добрымъ примѣромъ и совѣтами. Свидѣтствуютъ объ этомъ прихожане этого храма и весьма многіе изъ другихъ мѣстностей.

Вамъ, братія этого храма вложилъ Богъ мысль выразить любовь къ своему пастырю не только словомъ, но и дѣломъ. Что же это значить? Какъ примирить любовь живущихъ въ мірѣ къ проповѣдающему противъ міра и служащему Богу и истинѣ?

Это, бр., вѣрный признакъ вашего благочестія, въ которомъ вы хорошо наставлены. Но оно посѣяно и утверждено въ васъ, при помощи Божіей, вашимъ пастыремъ. Давно началась эта дѣятельность его и очень, очень трудно было ему вначалѣ, но за то теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, какіе плоды трудовъ его! Любовь къ вамъ вашего пастыря всѣмъ извѣстна и ваша всѣмъ извѣстная любовь къ нему имѣетъ получить видимое доказательство.

Пастыремъ добрыхъ Господь посылаетъ тѣмъ, въ которыхъ провидитъ благочестіе (Іер. 3, 11—15) и любовь къ нимъ насомыхъ относить къ самому себѣ (Лук. 10, 16).

Возблагодаримъ же Господа, пославшаго вамъ пастыря добраго и ревностнаго и помолимся о его здравіи на вашу славу и спасеніе!

Паче же всего стойте, братіе, въ вѣрѣ и благочестіи, въ которыхъ вы наставлены вашимъ пастыремъ, утверждайтесь еще болѣе въ этихъ добродѣтеляхъ и благодать Божія будетъ и пребудетъ съ вами во вѣки вѣковъ.

Свящ. Евл. Кременскій.

Многоуважаемый отецъ настоятель

Честнѣйшій іерей Алексѣй Сергѣевичъ!

Почти семнадцатилѣтнее служеніе ваше въ этомъ храмѣ какъ настоятеля и дѣятельность ваша какъ пастыря среди насъ — духовныхъ дѣтей вашихъ побуждаетъ насъ открыто выразить вамъ нашу признательность и уваженіе. Служеніе ваше всегда благоговѣйное, выразительное, неспѣшное, производитъ на душу предстоящихъ именно то благотворное впечатлѣніе общей цер-

ковной молитвы, какое желательно имѣть въ церкви: ясное, отчетливое, громкое чтеніе молитвъ, положенныхъ за богослуженіемъ, даетъ возможность предстоящимъ молиться сознательно, съ разумнѣемъ смысла молитвы; а постоянныя поученія ваши въ храмѣ и внѣ храма, разъясненіе какъ самаго богослуженія, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ молитвословій, восполняютъ недостаточно ясное или невнимательно прослушанное, и такимъ образомъ все видѣнное и слышанное въ церкви становится яснымъ, понятнымъ, а будучи постоянно таковымъ не можетъ проходить безслѣдно для молящихся. Всякій кто бывалъ въ этомъ храмѣ за богослуженіемъ, знаетъ по собственнымъ впечатлѣніямъ значеніе и вліяніе такой службы. При этомъ общее церковное пѣніе, введенное вами въ этомъ храмѣ уже три года и доселѣ поддерживаемое и развиваемое исключительно вашими личными трудами, личной энергіей и умѣніемъ не только вести это дѣло, но и заинтересовать этимъ дѣломъ другихъ, пріохотить къ пѣнію, — это пѣніе еще болѣе располагаетъ къ молитвенному настроенію, поддерживаетъ это настроеніе на все время богослуженія, заставляетъ хотя на время забыть о житейскихъ мелочахъ, — здѣсь уже нѣтъ мѣста стороннимъ мыслямъ, нѣтъ времени бесѣдовать съ другимъ о постороннихъ предметахъ, — и такимъ образомъ время проведенное въ храмѣ за такимъ богослуженіемъ всецѣло посвящается молитвѣ, благотворно вліяетъ на душу предстоящихъ, отражается и на обыденной нашей дѣятельности.

Не могу умолчать и о вашихъ добрыхъ отношеніяхъ къ намъ — прихожанамъ. Всегда простой, общительный, доступный во всякое время и всякому безразличія: — богатому ли, бѣдному ли, знатному ли, простому ли; отзывчивый на всякое доброе начинаніе, сочувствующій всякому и въ горѣ и въ радости; всегда готовый къ исполненію своей пастырской обязанности: въ какое бы время ни позвали, и кто бы ни позвалъ — отъказа никто не слышалъ; всегда учительный, всегда готовый на добрый совѣтъ, на доброе слово и всегда отечески снисходительный къ людскимъ слабостямъ и недостаткамъ, не дозволяя себѣ при этомъ ни малѣйшаго уклоненія отъ своей обязанности пастыря, не переходя границы должнаго и нисколько не поступаясь пастырскимъ достоинствомъ. Всегда и вездѣ — при исполненіи ли своей прямой обязанности пастыря, или въ простой дружеской бесѣдѣ, — всегда умѣли держать себя съ достоинствомъ и въ тоже время не стѣсняя этимъ другихъ, всегда умѣли быть и точнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей и пріятнымъ собесѣдникомъ, всегда желаннымъ гостемъ при всѣхъ случаяхъ обыденной жизни. Это умѣнье сочетать въ себѣ и добраго пастыря и добраго знакомаго неволью располагаетъ къ вамъ всякаго, заставляетъ любить и уважать въ лицѣ вашемъ священника, облагораживаетъ и улучшаетъ взаимныя отношенія между знакомыми.

Во всѣмъ этимъ добрымъ качествамъ служителя олтаря Господня и пастыря среди насомыхъ присоединяется еще и забота о бѣдныхъ: по вашей мысли устроено церковно-приходское попечительство при нашемъ храмѣ въ память чудеснаго избавленія отъ угрожавшей опасности Государя Императора со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ 17-го октября прошедшаго 1888 г. Вы внушили эту мысль намъ-прихожанамъ, съумѣли расположить насъ къ этому доброму дѣлу и такъ сказать объединить наши чувства къ Священной Особѣ Государя, давъ имъ приличное выраженіе въ одномъ общемъ добромъ дѣлѣ — устройствѣ учрежденія на пользу бѣдныхъ. Многіе бѣдные и долги годы будутъ благословлять ваше имя, получая пособіе въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, — а въ жизни бѣдняковъ онѣ нерѣдки;

многіе бѣдныя скажутъ сердечное спасибо, облегчивъ трудъ бѣдности въ нѣкоторые праздники поспособіемъ того же попечительства.

Приводя на память все сказанное нами — ваше служеніе въ этомъ храмѣ, ваше учительное слово, ваши добрыя, отеческія отношенія къ намъ-прихожанамъ, да и не только къ намъ лично, но и ко всѣмъ посѣщающимъ нашъ храмъ, и ваши труды и заботы о бѣдныхъ, — мы рѣшились, испросивъ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, поднести вамъ этотъ наперный крестъ, украшенный брилліантами въ знакъ признательности нашей за ваши труды и уваженія нашего за вашу полезную дѣятельность, а потому покорнѣе просимъ принять этотъ крестъ, какъ памятникъ нашей любви къ своему духовному отцу и возложить на себя по установленію, при этомъ искренно желаемъ вамъ, многоуважаемый батюшка, чтобы Господь продлилъ еще на долгіе годы ваше служеніе въ этомъ храмѣ, желаемъ и молимъ Бога, чтобы сила Распятаго Господа укрѣпляла ваши силы на доброе служеніе духовнаго пастыря и на утѣшеніе наше.

Позволь и мнѣ, любезный собратъ, привѣтствовать тебя въ нынѣшій день вмѣстѣ съ другими. Говорили о твоёмъ служеніи, о твоей дѣятельности, о твоихъ отношеніяхъ, о твоихъ качествахъ: все это хорошо. Но я беру самую почтеннѣйшую на мой взглядъ сторону пастырскаго служенія: это — частое, нелѣпное, простое и доступное для народа проповѣданіе тобою Слова Божія.

Проповѣданіе есть одна изъ самыхъ первыхъ нашихъ обязанностей. Разочаровываются нерѣдко пастыри — священники, видя неэффективность или малое вліяніе своей проповѣди; грустно въ самомъ дѣлѣ бываетъ, когда обыкновенно о проповѣди нашей такъ думаютъ: «её говорить священникъ по своему долгу, а мы можемъ оставаться сами по себѣ, можемъ не принимать её». Что же, — изъ слова Божія мы знаемъ, что святыхъ пророковъ далеко не всегда слушали, что пророки иногда горько молились: «Господи, кто вѣровалъ слуху нашему?» И самъ Божественный Спаситель нашъ, когда проповѣдовалъ, то нерѣдко встрѣчалъ невѣріе, огрубѣніе и ожесточеніе сердца, встрѣчалъ и глубоко скорбѣлъ объ этомъ.

Но отъ неэффективности или малаго вліянія проповѣди нашей останавливаться ли намъ въ исполненіе святого дѣла? Спаситель въ притчѣ о сѣятелѣ на всѣ времена показалъ, что есть души разсѣянныя и легкомысленныя: для нихъ проповѣдь теряется, какъ зерно брошенное при дорогѣ: есть души равнодушныя и холодныя, иногда возбуждающіяся, но вообще неимѣющія надлежащей теплоты: для нихъ проповѣдь такъ же неэффективна, какъ зерно брошенное на каменистую почву; есть души переполненныя заботами и суетою: у нихъ проповѣдь глохнетъ, какъ зерно среди сорной травы; но есть души и хорошія, искреннія, воспримчивыя: у нихъ проповѣдь приноситъ плодъ. «Имѣяй уши слышати, да слышитъ», говорилъ Спаситель во время своей проповѣди, имѣя въ виду людей съ такою душою. Сколько между нами такихъ, которые способны слышать, людей съ душою воспримчивою, Богъ вѣсть. Но если изъ 10-ти, или 20-ти, или даже 50 и 100 человѣкъ найдется хотя одинъ, который отъ сердца слушаетъ проповѣдь и прилагаетъ её къ жизни своей, то и это уже приобрѣтеніе, — чего? — приобрѣтеніе души человѣческой, о которой бываетъ радость на небѣ между ангелами.

Прими же отъ меня, любезный собратъ, въ нынѣшній день душевное пожеланіе, чтобы не ослабѣвала на будущее время ревность твоя въ дѣлѣ святой проповѣди. «Да подкрѣпитъ Господь тебя, да подастъ тебѣ Господь миръ душевный для этого дѣла. Будемъ трудиться: наше дѣло сѣять, а возвращаетъ Богъ. Благодать Его святая да будетъ надъ всѣми нами!

Свящ. П. Сахаровъ.

Принимая съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и благодарностію отъ васъ многоцѣнный, а по существу безцѣнный крестъ, не знаю что и сказать, находясь подъ гнетомъ переполненныхъ чувствъ. Возблагодарю прежде всего Бога, благодарящаго мнѣ — буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка! Къ вамъ же обращаясь, могу сказать только, — не слишкомъ ли много оцѣниваете мои труды? Съ однимъ только могу помириться, что это не награда, а даръ любви — любви же всему вѣру емлетъ, любви долготерпѣть, любви милосердствуетъ — любовь ваша привлекла сюда соборъ старѣйшихъ и сонмъ почтеннѣйшихъ служителей Божіихъ для молитвы со мною и обо мнѣ — меньшемъ изъ сихъ братій. Что я могъ сдѣлать особеннаго въ продолженіе 16½-ю лѣтняго служенія моего въ этомъ храмѣ? Правда 35-й годъ служа предъ престоломъ Божіимъ въ началѣ въ санѣ діакона, а послѣднее время въ санѣ іерея, я всѣ усилія мои употреблялъ на то, чтобы служеніе мое было честно и искренно и при помощи Божіей по возможности преуспѣвалъ.

Съ дѣтства моего любилъ я храмъ и прислуживать въ немъ, такъ покрайней мѣрѣ желалъ родитель мой, простой чтець — и за все время служенія моего, благодарю Бога, не поступался такими дѣлами, которыя могли бы унижить священный санъ. При принятіи же сана священства я проникался тою мыслию, что проповѣданіе — учительство есть первѣйшая обязанность іерея. Я памятую наставленіе ап. Павла, сказанное рукоположенному еп. Тимоѣю: — неугашай дара пророчества — учительства, даннаго тебѣ чрезъ рукоположеніе, упражняйся въ чтеніи и проповѣдуй слово Божіе, это будетъ полезно тебѣ и спасительно людямъ. Припоминаю слова и архипастыря, рукополагавшаго меня, (его уже нѣтъ въ живыхъ — да помянетъ его Господь Богъ во царствіи своемъ), который по рукоположеніи и окончаніи литургіи сказалъ мнѣ: знаменателенъ день твоего посвященія (меня посвящали въ субботу Похвалы Богородицы), это какъ бы обязываетъ тебя всю жизнь во іерействѣ употреблять на прославленіе Бога — Его пречистой матери и всѣхъ святыхъ словами и житіемъ». Первое наставленіе по возможности и соблюдаю, будучи увѣренъ еще, что уча другихъ, учусь и самъ, о послѣднемъ же не могу сказать, — многое потребно, чтобы жизнь свою поставить по требованію слова Божія. Только ваша любовь и прикрываетъ мои недостатки. Эта то любовь — этотъ крестъ, который вы предносите побуждаютъ меня усугубить и труды на славу Божію и для вашего спасенія. А между тѣмъ уже давно совершилось преполовленіе дней моихъ, въ эту же пору человѣкъ волею неволею слабѣетъ преимущественно тѣлесными силами. Вотъ тутъ то и обращаюсь къ вамъ, добрые и достопочтеннѣйшіе пастыри, за меня и со мною молившіеся нынѣ, усугубить ваши святыя молитвы, а такъ же и васъ, какъ чадъ своихъ духовныхъ, помолитесь за меня, чтобы Господь Богъ далъ мнѣ силы достойно докончить свое пастырское служеніе именно въ этомъ храмѣ и возносить за всѣхъ васъ безкровную жертву Богу.

При семъ № прилагается № 32 официального отдѣла.

Редакторъ протоіерей
В. Рождественскій.

Типографія Л. и А. Снегиревыхъ
На Остоженкѣ, Савеловскій пер. соб. домъ.

Цензоръ
Архимандритъ Арсеній.